

Рафаэль Тигрис

Тигран Великий

18+

Тигрис Рафаэль

Тигран Великий

«Автор»

2008

Рафаэль Т.

Тигран Великий / Т. Рафаэль — «Автор», 2008

За 100 лет до рождения Христа, когда Рим вёл захватнические войны на Западе, могущественный царь Армении Тигран Великий сумел расширить границы своего царства от Средиземного до Каспийского морей. Этому способствовал его родственник союз с царём Понта Митридатом. В результате у границ Рима возникли два сильных азиатских государства с мощными армиями, развитыми мегаполисами и эллинистическими культурами. Армении принадлежали обширные территории в Малой Азии, а её повелитель Тигран Великий получил титул царя царей. Оба царя были намерены и дальше расширять своё влияние на Запад, однако могучий Рим не мог мириться с таким положением и направил легионы сперва на Понт, затем на Армению. Все исторические события описаны в воспоминаниях лекаря Тиграна Великого, который волею судьбы попал из Иерусалима во двор царя Армении. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных отношений, но это не является пропагандой».

© Рафаэль Т., 2008

© Автор, 2008

Тигрис Рафаэль Тигран Великий

На протяжении многих тысячелетий, из года в год, каждая весна была для человека началом новых надежд, радостей и благополучия.

День удлинялся, и свет начинал наступать на тьму; с этого времени до самой осени ночь лишалась внезапности и сумерки по вечерам сгущались нехотя. Длительный световой день будил природу: серо-коричневая гамма менялась на светло-зеленую, сперва совсем незаметно, а затем всё сильнее и сильнее. Земля, согретая весенним солнцем, призывала своих детей, обещая изобилие и сытость каждому, кто поверит в её силы.

Весна знаменовала конец скучной зимы, а значит, наступал Новый Год. И в то время никому в голову не могла прийти мысль, что когда-нибудь год будет начинаться с середины зимы...

Двое путников на резвых мулах быстро приближались к Иерусалиму, стремясь засветло попасть в город. Дорога с севера пролегла через гору Скопус, откуда открывалась великолепная панорама древней столицы.

– Смотри Гайк! Мы уже у цели, – сказал мужчина зрелого возраста с седой окладистой бородой и указал на многочисленные крепостные сооружения Иерусалима, – вот он – главный город иудеев.

Второй путник – высокий худощавый юноша с длинными спадающими на плечи волосами ответил восхищённо:

– Да Ананий! Про этот город я много слышан, но все рассказы ничто, когда видишь воочию. Не зря мы проделали столь долгий и тяжёлый путь.

– Такому художнику, как ты, красочный рассказ не заменит созерцание собственными глазами.

Они начали спускаться, миновали долину Кидрон и приблизились к Женским воротам. Ворота были распахнуты и никем не охранялись. Путники беспрепятственно вошли в пригород Бет-Зейта, миновали Дровяной и Овечий рынки, где круглосуточно продавались: дрова, мясо, мука. Женские ворота же запирались лишь при угрозе военного вторжения, в остальное время они были открыты, дабы торговцы могли беспрепятственно снабжать город продовольствием.

Далее путь преграждала вторая крепостная стена, тянувшаяся ломаной линией от дворца Ирода до крепости Антония, которая возвышалась над северо-западным склоном Храмовой горы. Ворота во второй стене выводили к главным городским рынкам, располагавшимся в долине Тиропион, и далее к густонаселённым кварталам Нижнего города.

У ворот стояла толпа калек и немощных, сдерживаемая городской стражей, которая уже собиралась запретить на ночь входную дверь.

– Похоже, не мы одни стремимся проникнуть в Иерусалим, – произнёс озадаченно Ананий, – неужели все эта толпа жаждет встречи с Исцелителем? Если это так, то он действительно чудотворец.

Путники, интенсивно работая локтями, с трудом протиснулись к воротам.

– Кто вы такие? Откуда и зачем пожаловали? – строго спросил стражник с грозной секирой.

– Мы прибыли из города Эдессы к Исцелителю, – ответил Ананий.

– Тут все пришли к нему. Зачем я должен вас пропускать? На больных вы не очень то похожи.

– Он глухонемой, – уверенно произнёс Ананий, кивнув в сторону своего попутчика, и для полного успеха незаметно опустил в карман стражника серебряную монету.

– Так бы раньше сказал, – сразу подобрел стражник, с довольным видом поглаживая сестерций в кармане, – Эй! А ну, пропусти этих.

Солдаты расступилась, и путники, вновь усевшись на мулов, проникли в город.

– Стражники везде одинаково продажны, – усмехнулся Гайк, когда они достаточно отошли от крепостных стен.

– Стражники не при чём, – возразил Ананий. – Людская корысть – вот что вечно. Сам-то ты хорош. Хоть бы промычал что-нибудь для достоверности.

– Для меня это было так неожиданно.

– Радуйся, что я не заставил тебя притвориться слепым, – улыбнулся Ананий.

Беседуя, они подошли к Садовым воротам, через которые можно было попасть в Верхний город. Здесь проживали зажиточные горожане и аристократия. Толпы у ворот не было, однако и стража тут стояла иная. Вместо бородатых солдат-иудеев входную калитку охранял караул гладко выбритых римских легионеров. Они свободно пропускали горожан, по-видимому, зная уже каждого в лицо.

– Здесь нам не поможет даже самая звонкая монета, – озабоченно произнёс Гайк, тоскливо поглядывая на короткие мечи римлян, – они сразу же распознают в нас чужих.

– Возможно, ты и прав, – задумчиво ответил Ананий, – хотя всё может быть намного проще, чем ты представляешь. А ну, быстро слезай с мула.

Молодой человек спешил, и Ананий перебросил свою поклажу на спину освободившегося животного.

– Держи мула за поводья и смело, не озираясь, шагай за мной к калитке. У римлян не должно остаться и тени сомнения, что мы местные жители.

Ананий пнул своего мула, а Гайк, пешим, последовал за ним. Со стороны казалось, что запоздалый горожанин вместе со слугой возвращаются с рынка. Они свободно прошли мимо ничего не заподозривших легионеров, которые о оживлённо беседовали между собой на режущем слух латинском языке.

Вскоре копыта мулов дружно застучали по хорошо вымощенной улице.

– Ты уверен, что дом лекаря именно в этой части города? – спросил Гайк, засматриваясь на добротные дома.

– Конечно, уверен! Соломон Бахтеци построил свой дом в самом престижном районе.

В Верхнем городе проживала не только иудейская знать. С тех пор как Помпей покорил Иерусалим, здесь находились дома имперских чиновников – в том числе, дворец прокуратора Пилата Понтийского.

– Не подскажешь, уважаемый, как нам пройти к дому лекаря Соломона, ныне покойного? – обратился Ананий к опрятно одетому пожилому прохожему.

– Дом знаменитого лекаря Соломона? – радостно встрепенулся горожанин, – Кто в Иерусалиме не знает его? Он хоть и умер давно, однако память о нём жива, ибо его дело с достоинством продолжают сыновья. Следуйте за мной.

Они взойшли на Храмовую гору, окружённую массивными стенами и колоннадами. Сам Храм, представлявший собой систему широких дворов и зданий, украшенных белым мрамором с позолотой, занимал центральную часть площади на вершине горы.

Миновав эту площадь, путники подошли к дому, ладно построенному на эллинский манер из светлого иерусалимского камня.

– Вот дом лекаря Соломона, – показал горожанин и удалился.

Ананий постучал в дверь, и вскоре в проёме показался привратник. Он стал с удивлением рассматривать нежданных гостей.

– Это ли дом лекаря Соломона, ныне покойного? – спросил Ананий.

- Совершенно верно, – ответил сторож, – Что вам угодно?
- Сообщи хозяевам, что прибыли посланцы из города Эдессы.

Сторож отворил ворота, и путники въехали во внутренний дворик с весело журчащим фонтаном посередине.

– Тебе не кажется странным, Гайк, увидеть в центре столицы иудеев такой типично эллинский дом? Хотя нет ничего удивительного. Лекарь Соломон долгие годы прожил там, где дома строятся именно в таком стиле.

Вскоре им навстречу вышли двое мужчин средних лет, очень похожих друг на друга – вероятно, близнецы.

– Нам сказали, что вы приехали из Эдессы? – произнёс один из них радостно.

– Я князь Ананий, – начал седобородый, – посланник армянского царя Авгайря. А это мастер по живописи Гайк. Царь Авгайрь сказал, что в этом доме мы сможем найти кров и хлеб.

– И он не ошибся! – воскликнул один из близнецов, – Меня зовут Давид, а это мой брат Аарон. Мы сыновья лекаря Соломона, преемники нашего покойного отца. Вы, верно, устали после долгой дороги? Можете свободно располагаться и отдыхать.

Слуги накрыли на стол, вынесли яства, и проголодавшиеся гости с удовольствием принялись за трапезу.

– Наш отец всегда с тоской вспоминал Эдессу, – сказал Аарон.

– Лекаря Соломона хорошо помнят в нашем городе, – ответил Ананий, – Скажу больше – его имя у нас настолько популярно, что во многих семьях своих отпрысков называли в честь знаменитого лекаря, служившего при дворе Тиграна Великого.

Братья радостно переглянулись.

– Позвольте полюбопытствовать, с какой целью вы прибыли в Иерусалим?

– У нас имеется особое поручение от царя Авгайря, – сказал Ананий, – мы должны его непременно исполнить. При этом очень надеемся на вашу помощь.

– Любопытно узнать, какое поручение? – спросил Давид.

– Мы привезли письмо некоему Исшуа. Дело в том, что наш царь неизлечимо болен и, наслышавшись о чудесах, творимых этим человеком, просил уговорить его приехать к нему в Эдессу. А кстати, вот это письмо.

Ананий протянул исписанный пергамент одному из братьев. Тот принялся медленно читать на греческом:

«Я Авгайрь, сын царя Аршама, правнук царя царей Тиграна Великого, правитель Осроэны и царь армянский, благодетелю, явившемуся в стране Иерусалимской, – Исшуа шлю привет. Наслышан я о тебе и о врачевании, творимом твоими руками без зелья и снадобий, ибо говорят, что ты даёшь прозреть слепым и ходить калекам, очищаешь прокаженных и изгоняешь злых духов. Пишу к тебе с мольбой – потрудись прибыть ко мне и излечить от недуга, которым я страдаю. Слышал я также, что иудеи ропшут на тебя и хотят предать мучениям. Посему приглашаю я тебя в свой город, который хоть и невелик, но красив, и места в нем хватит для нас обоих».

– Чем болен царь Авгайрь? – спросил Аарон.

– Царь болен проказой, отчего его лицо стало чёрным и уродливым. Он желал бы сам приехать сюда, но неотложные дела не позволяют ему отлучаться из Эдессы. Расскажите нам про этого Исшуа. Действительно ли он способен творить чудеса? Если так, то почему его ненавидят жрецы Главного иерусалимского храма?

– Этот Исшуа, действительно, умелый лекарь, хотя, по правде сказать, никакими особыми методами не пользуется. Как и многие исцелители Иерусалима, он лечит подагру грязями со дна Внутреннего моря. Говорят, ему покровительствует супруга самого прокуратора Рима.

– Но если он обычный лекарь, чем же тогда не приглянулся жрецам?

– Помимо лечения он ещё читает людям своеобразные проповеди.

– О чём?

– О разном. О любви друг к другу, о бескорыстии и милосердии.

– Не вижу в этом ничего дурного! – удивился Ананий.

– Да, и мы считаем, что в его словах нет предосудительного, однако речи Ишшуа увлекают и обвораживают людей. Он собирает толпы, у него уже есть последователи, а это не может не волновать верховных жрецов. Они боятся, что Ишшуа, воспользовавшись популярностью, в один прекрасный день объявит себя Мессией.

– Ладно. Так или иначе, но нам надо выполнить поручение нашего царя, – сказал Ананий. – Прошу вас, помогите найти этого человека и передать сие письмо из рук в руки. А также запечатлеть портрет Ишшуа – такова цель моего спутника, художника Гайка.

– Нет ничего проще, – сказал Давид, – мой сын проводит мастера Гайка и передаст письмо.

– Я сам хочу встретиться с Ишшуа, – сказал Ананий.

– Тебе, князь, мы не советуем туда ходить, – возразил Аарон.

– Отчего же?

– Места, где Ишшуа собирает народ, находятся под пристальным вниманием верховных жрецов и легионеров, а ты как знатный иностранец – личность приметная. Присутствие простого художника не вызовет подозрений, а вот у тебя могут возникнуть неприятности.

– А как же ваш сын?

– Наш сын – внук знаменитого лекаря Соломона, личность неприкосновенная.

– Хорошо, я останусь здесь, но учтите – нам надо непременно дождаться ответа, – предупредил Ананий. – Ступай, Гайк, с этим юношей.

Когда художник с хозяйским сыном покинули дом, Ананий вновь обратился к братьям:

– Объясните мне, какая связь между этим домом и Арменией?

– О, это долгая история. Наш отец на склоне лет запечатлел её письменно.

– Вы хотите сказать, что у вас в доме имеется рукопись с воспоминаниями вашего отца? – заинтересовался Ананий.

– Совершенно верно. Там подробнейшим образом описано его пребывание в царстве армянском и связанные с этим интереснейшие истории.

– А можно взглянуть на эту рукопись?

– Конечно.

Братья принесли массивный многостраничный манускрипт, написанный красивыми греческими буквами.

Ананий с почтением взял рукопись и начал вчитываться в первые строчки.

– Интересное сочинение. Хотелось бы незамедлительно прочитать.

– Нет ничего проще. Только дождёмся нашего второго гостя, – ответили братья.

Прошло достаточно времени. За окном было уже совсем темно и накрапывал мелкий дождь, когда художник и сопровождающий его подросток вернулись домой.

– Ну, всё, – произнёс довольный Гайк, стряхивая капли дождя с одежды, – удалось самое главное – до наступления темноты нарисовать портрет этого Ишшуа.

– Где вы его нашли? – спросил Аарон сына.

– Он был в Гефсиманском саду, в окружении своих почитателей.

– В Гефсиманском саду? И чем же он там занимался?

– Ишшуа говорил речи добрые и понятные даже мне, не знающему арамейского языка. Пошёл дождь, но все продолжали заворочено слушать и не расходились.

– А какой он из себя? – поинтересовался Ананий и с нетерпением стал разворачивать пергамент.

Но его постигло разочарование. Вместо выразительного рисунка он увидел расплывшиеся от дождя краски.

– Смотри, Гайк, во что превратился твой рисунок! – воскликнул Ананий.
Художник взглянул на пергамент и нахмурился.
– Ничего, не беда. Я смогу восстановить портрет по памяти, – произнёс он уверенно.
– Тогда начни это делать прямо сейчас, пока свежо твоё впечатление, – приказал Ананий
– а как же письмо царя? Вы передали его Исхуа?
– Конечно. Он обещал прочесть и написать ответ к завтрашнему утру.
– Отлично! – воскликнул Ананий и, обратившись к братьям, сказал, – с вашего позволения мы переночуем у вас.
– Сочтём за большую честь, – дружно ответили братья.
Однако никто не собирался спать. Гайк принялся разводить краски, а его товарищ опять подошёл к рукописи лекаря Соломона.
– Ночь нынче долгая. В ожидании ответа давайте прочтём этот манускрипт, – предложил Ананий и обратился к братьям, – не сочтите за труд, начните.
– С превеликим удовольствием. Будем читать по очереди до тех пор, пока нас не сморит сон. Договорились?
– Договорились, – согласился Ананий.
Дождь барабанил за окном, таинственно светились лампы. Ананий уселся в кресле, художник творил в углу комнаты, а братья начали читать воспоминания своего отца, попеременно сменяя друг друга.

Воспоминания лекаря Соломона

Так уж устроен человек, что когда он молод, то про старость не задумывается, а когда срок, отпущенный ему свыше, подходит к концу, начинает с тоской вспоминать прожитые годы. Он заново переживает и оценивает прошлое. Итогом сих размышлений является то, что люди именуют «мудростью старца». Воспоминания, хранящиеся в сердце, – вот богатство, которым он ещё способен себя утешить на склоне лет, и отнять их сможет только смерть.

Всю жизнь моим ремеслом было врачевание, но сейчас во мне проснулся дар рассказчика, а вместе с этим непреодолимое желание передать потомкам летопись моей жизни. Ибо история, рассказанная очевидцем, является более достоверной, чем та, которую нам преподносят летописцы с богатым воображением, лишь понаслышке ведающие о событиях давних лет и потому дающие им неверные толкования.

Для того чтобы увековечить воспоминания на пергаменте, я нанял умелого писаря, ибо сам я уже настолько стар, что способен лишь медленно диктовать мысли. И вот из-под скрипучего пера мастера стала рождаться моя книга.

Книга – величайшее открытие рода людского: благодаря ей я смог получить знания, которые возвысили меня над остальными, сделали богаче как духовно так и материально. Я с удовольствием созерцал, как ложатся на пергамент мои воспоминания, увековечиваясь тем самым навсегда. Пройдут столетия, тысячи лет, время превратит в прах любую материю, разрушит самые прочные памятники и надгробья, но мысль человека останется нетленной, ибо будет жить в душах потомков. А сохраниться она благодаря богатству ума автора и трудолюбию писаря, обессмертившего труд в рукописи.

Однако не только праздная любовь к слогу заставила меня взяться за перо. Я, наконец, решился исполнить последнюю волю Великого человека. Человека, который возвысил меня, превратив из безвестного юноши в знатную персону, облачённую властью и богатством, приблизив к себе настолько, как это сделал бы его родитель. Теперь, когда я уже пережил его, когда с высоты прожитых лет многое осознал, то имею полное право запечатлеть навеки свои воспоминания.

Волею судьбы мне пришлось испытать то, чего прочим не доводилось увидеть даже во сне. Именно мне выпала честь ещё с юных лет путешествовать в дальние страны, общаться с царями, побывать во многих переделках и пережить, увы, неоднократно несчастную любовь. А преодолеть жизненные преграды мне помогли качества, привитые ещё с детства.

Во-первых – тяга к справедливости: этого основного принципа я придерживался всегда и стремился добиться того же у окружающих меня людей.

Во-вторых – преданность тем, кто мне близок и дорог. И хотя были случаи, когда я мог в угоду себе пренебречь этим принципом, однако не сделал этого.

Наконец, смелость и находчивость, проявленные мною в трудных ситуациях, помогли благополучно миновать смертельную опасность.

Теперь, после стольких лет, когда я пережил многое и многих, могу заявить, что моя совесть чиста и это даёт мне возможность без утайки рассказать обо всём. Начну повествование с тех, кто породил меня на свет.

Мой отец был *итурейцем*. Это племя неуправляемых, склонных к разбою арабских кочевников занимало территорию от долины Бека до берегов Внутреннего моря. Среди них было много храбрых воинов и искусных лучников, занимавшихся в мирное время скотоводством. Отец пригонял в Иерусалим на продажу отары овец, и однажды, повстречав мою матушку, шестнадцатилетнюю красавицу из зажиточной иудейской семьи, без ума влюбился. Моя мать даже не подозревала, с каким восторгом наблюдал за нею ладный арабский юноша, восседающий на белоснежном скакуне.

Иудеи всю жизнь борются за чистоту собственной крови, и если юноша может привести в дом жену из чужеродного племени, то выдать замуж красавицу-иудейку за кочевника-араба было практически невозможно. Если девушка осмеливалась послушаться родителей – её проклинали навечно.

Понимая, что ему никогда не уговорить родителей своей возлюбленной, отец решился на отчаянный поступок. Улучшив минуту, когда в доме не было мужчин, он проник туда, похитил юную прелестницу и исчез на бескрайних просторах Палестины. С этого момента их могла разлучить только смерть.

Мать моя, изрядно погоревав, наконец, смирилась с неизбежным. Её сердце не могло не оттаять от беззаветной любви юноши с томными чёрными глазами, и вскоре они поселились на земле, орошаемой водами реки Иордан. Но родня матери, так и не примирившись с этим браком, навсегда предала её имя забвению.

До моего появления на свет мать родила, одну за другой, две пары близнецов.

Производить на свет за раз по два – особенность нашей семьи. У моего отца были братья близнецы, у детей брата тоже и, как вы потом узнаете, от меня женщины также родили двойняшек. Впоследствии, как врач, я задумывался над этим и понял, что сия благодать даруема сверху, Богами. Им виднее, кто и от кого должен родить побольше, ибо именно Боги регулируют род людской.

Итак, в то время когда появился я – пятый сын – четверо моих братьев были уже достаточно взрослыми. Мать настояла на том, чтобы мне дали иудейское имя – Соломон и очень сердилась, когда отец переименовывал его на арабский лад – Согомон.

Как всех маленьких в семье меня любили и баловали и, хотя я уже достаточно подрос, ни родители, ни братья не спешили загружать меня работой. Но больше всего радости я доставлял матушке. Именно от матери я перенял те способности, благодаря которым в дальнейшем смог достичь успеха и славы.

Шли годы. Отец построил дом, а мне исполнилось двенадцать лет.

Век труженика земли короток. Изнуряющий труд под знойным солнцем Палестины сделал своё дело, и в один из дней отец не вернулся домой.

Сердце моё до сих пор хранит память о его тяжёлых натруженных руках, которые за долгие годы настолько сроднились с землёй, что приобрели с ней неизгладимое сходство. Он умер мирно, оставив семье кров и достаток. Четверо сыновей могли достойно продолжить отцовское дело, и вскоре к ним должен был присоединиться я.

После смерти отца мать, у которой и без того было тоскливое лицо, теперь совсем ушла в себя. Казалось, бесконечная грусть навсегда поселилась в её душе.

Однажды, когда я возвращался домой, то увидел во дворе множество верблюдов. Горбатые животные, подобрав под себя ноги, с полужакрытыми глазами меланхолично жевали корм, который им подбрасывали заботливые караванщики. Купцы часто покупали у нас пшеницу, но сегодня меня удивило совсем другое. Из окон дома раздавался восторженный голос матери, иногда переходящий в смех. Удивлённый этим, я вбежал в дом и увидел ладно одетого пожилого мужчину, совсем не похожего на тех купцов, которые часто бывали у нас. Незнакомец что-то увлекательно рассказывал на арамейском, отчего на лице у матери сияла счастливая улыбка. Признаться, я никогда не видел её такой жизнерадостной. Обычно грустная и блеклая, она сейчас выглядела просто великолепно. Глаза сияли, а на щеках играл румянец, превративший уже не молодую женщину в настоящую красавицу.

Завидев меня, мать радостно воскликнула:

– Соломон, сын мой! Подойди сюда! Познакомься – это Мафусаил. Самый известный лекарь в Иерусалиме. Сегодня он наш почётный гость.

Невозможно было представить большего счастья для матери, нежели встретить человека из родного города. Города, где она провела самые беззаботные годы своей жизни и откуда её увели против собственной воли. Она с восторгом слушала Мафусаила, уносясь в воспоминаниях в далёкое прошлое.

Лекарь принялся внимательно меня разглядывать.

У него было доброе лицо, не без лукавства и хитрецы.

– Какой смыслённый взгляд у этого малого, – произнёс Мафусаил.

Его приятный голос, манера говорить, – всё это располагало к общению.

– Моя кровь! – гордо ответила мать.

– А скажи мне, отрок, как, по-твоему, – если взять двух лягушек – одну серого цвета, а другую зелёного – и бросить обеих в кувшин с молоком, у какой из них есть шанс выбраться оттуда живой?

Мафусаил, прищурившись, стал внимательно ждать ответа.

Я ненадолго призадумался и, смекнув, ответил:

– Цвет тут, конечно, не при чём. Выберется целёхонькой та, которая изловчится прыгнуть на спину другой.

– Отлично! – воскликнул лекарь. – У тебя и вправду светлая голова. Тогда усложним задачу: поместим каждую из лягушек в разные кувшины с молоком. Которая из них выпрыгнет оттуда?

Второй вариант заставил меня задуматься. Тут на подмогу пришла мать:

– Ну, Соломон! Подумай хорошенько, как можно в жидком молоке заполучить опору.

– погоди, Адель! Он мальчик смыслённый, сам догадается, – запротестовал Мафусаил.

– Выживет та лягушка, которая своим упорством сможет сбить молоко в кусок масла.

Вот тогда она и выпрыгнет из кувшина, – ответил я.

– Молодец, отрок! – воскликнул Мафусаил и, повернувшись к матери, произнёс серьёзным тоном, – Послушай, Адель! У этого парня цепкий ум. Жалко такому уму прозябать в деревенской глуши. Отпусти со мной в город. Я научу его языкам, дам образование. Глядишь, и получится ладный лекарь.

Лицо матери, которая до этого беззаботно улыбалась, вдруг опять стало озабоченным.

– Ну, посуди сама: детей с женой мы не нажили, а смыслённый помощник очень нужен. Соломон мне подходит. Отдай его – не прогадаешь.

Восторг и радость на лице матери вновь сменили тоска и печаль.

– Соломон! – сказала она, – Оставь нас одних.

Я вышел во двор, где измождённые верблюды продолжали усердно жевать корм. Не знаю, о чём говорили мать с Мафусаилом, но в душе моей зародилось чувство скорой разлуки, и я не удивился, когда услышал от матери следующие слова:

– Сын мой! Ты уже достаточно подросток и вскоре мог бы стать опорой для старших братьев. Но я хочу, чтобы ты жил и учился в городе. Поверь мне, сейчас говорит не любящая мать, а женщина, которая провела юность среди городской суеты. И хотя расстаться с тобой мне будет очень не легко, но ты отправишься в Иерусалим. Твой природный ум и смекалка помогут найти достойное место в жизни.

Слёзы покатались из её безрадостных глаз. Видно было, что это решение далось с большим трудом. Совсем недавно она похоронила мужа, а сейчас добровольно расставалась с младшим сыном – возможно, навсегда. Но мудрая женщина нашла силы и подавила свои родительские чувства. Сейчас, по прошествии многих лет, я понял, насколько прозорлива была мать, сумевшая предвидеть мой жизненный путь и не ошибиться в своём решении. Она вовремя почувствовала разницу между мною и старшими сыновьями. Выбор был сделан – самый младший, самый любимый, самый смыслённый – он будет жить в городе её молодости, и станет воплощением несбывшихся надежд.

– Завтра ты уедешь в Иерусалим, – продолжила мать, – ты будешь там учиться, чтобы приобрести ремесло, которое впоследствии принесёт тебе почёт и достаток.

По правде говоря, мне не хотелось покидать уютный родительский кров. Чужой незнакомый город пугал меня, но противиться воле матери я не смел, ибо решение её было окончательным.

На следующее утро все встали ни свет ни заря. Братья по очереди подходили ко мне и прощались. Лица их выражали удивление по поводу моего поспешного отъезда, хотя, возможно, в глубине души они немного завидовали. Настал черёд матери.

– Сынок, прости меня, – произнесла она с дрожью в голосе, – может быть, мы видимся в последний раз, но я приняла твёрдое решение. Один из моих сыновей будет жить в городе, откуда много лет назад твой отец силой любви вырвал меня с корнями и привёз сюда. Уверена – ты станешь знатным и богатым, а я буду гордиться тобой. Обо мне не беспокойся. Твои старшие братья будут надёжной опорой до конца дней.

Затем она подошла к Мафусаилу и сказала:

– Отныне его судьба в твоих руках!

– Не беспокойся, Адель. Я позабочусь о нём как о родном, – ответил лекарь.

– Прошу, – добавила мать с дрожью в голосе, – сохрани в тайне его происхождение.

Мафусаил ничего не ответил, и его молчание было красноречивее всех слов. Мать в последний раз обняла меня. Не в силах более сдерживать слезы, она повернулась и исчезла в доме. Такой я её запомнил навсегда: бесконечно любящей и преданной, суровой и проникательной, покорной и гордой.

Мы долго ехали – первые три дня по пустыне, затем отдохнули в оазисе, потом опять шли по пустыне. Раньше мне казалось, что Иерусалим находится близко и что купцы с лёгкостью преодолевают расстояния. Но чем дальше мы продвигались, тем отчётливее я понимал, насколько это хлопотное и небезопасное дело – путешествовать по пустынным дорогам. И ещё я с горечью осознал, что мне самому преодолеть обратный путь домой будет невозможно, – а значит, я уезжал навсегда и безвозвратно.

Наконец, на девятый день вдали показались крепостные стены прославленного Иерусалима. Я с изумлением разглядывал каменные башни, разноязычную толпу, многоголосые базары, нарядно одетых богатых горожан. Всё это было для меня, простого деревенского парня, в диковинку.

В тот же день я поселился в доме Мафусаила. Жена его, некрасивая и хмурая иудейка, не очень обрадовалась моему приходу, но это не повлияло на решение хозяина.

Супруги жили одни, бездетно. Причиной тому был сам Мафусаил, и это доказала сама жизнь. В своё время он, следуя заповеди Моисея «плодиться и размножаться» – неоднократно пробовал себя на одной молодой служанке. Однако и тут его ждало разочарование. Служанка оставалась бесплодной до тех пор, пока не вышла замуж за приказчика из соседней лавки, и только после этого благополучно забеременела.

Мафусаил, поняв, что лишён возможности производить себе подобных, стал присматриваться к пригожим юношам, в поисках помощника для дела и опоры в старости. Однако – то ли из-за излишней мнительности и скрупулёзности, то ли из-за невезения – претворить в жизнь эту затею никак не удавалось – до тех пор, пока не повстречал меня.

Мафусаил, действительно, считался видным врачом. Его пациентами были богатые горожане Иерусалима, готовые отдать любые деньги ради поправки здоровья. Подагру – этот бич аристократии – мой хозяин успешно лечил грязями со дна Внутреннего моря, которое находилось на расстоянии одного перехода от Иерусалима. Иногда, в очень ясный день с городских стен можно было наблюдать блеск водной глади. Море располагалось намного ниже, и доставлять оттуда тяжёлую грязь было нелёгко, но Мафусаил исправно её привозил, ибо подагриков в городе было достаточно.

Впоследствии мне самому не раз приходилось туда ездить. Я и раньше слышал про это море, куда впадала орошавшая наши поля река Иордан. От чрезмерного избытка соли вода здесь была настолько тяжела, что никакой силы ветер не мог возмутить её поверхность. Морская гладь, на которой не образовывалась не то чтобы волна, а даже мелкая зыбь, издали казалась неестественно свинцовой. Поговаривали даже, что нашлись люди, которые научились ходить по водной поверхности, словно по твёрдой земле.

Другой метод лечения, которым мастерски владел Мафусаил, было кровопускание. Любой визит к тяжелобольному заканчивался тем, что хозяин брался за скальпель и вскрывал вены, не забывая при этом наставлять, что главной заповедью врача является принцип – «не навреди». Пустив добрую порцию крови, он затем старательно перевязывал рану. Если пациенту становилось легче, то он поил его большими порциями воды. Если же после кровопускания состояние ухудшалось, он объявлял больного неизлечимым и удалялся восвояси. Кровопускание и обильное питьё были основными методами лечения знаменитого врача, и за то время, которое мне довелось быть его помощником, в мирном Иерусалиме было пролито много крови и выпито огромное количество воды.

К лечению лекарствами мой хозяин прибегал нечасто, так как считал это дело малоэффективным. Изготовлением снадобий мы занимались в дневное время, когда было достаточно солнечного света, дабы не перепутать цвета, которые сильно искажаются при свете огня. Соответственно в зимнее время изготовление лекарств сводилось к минимуму.

Предки моего хозяина пришли в Палестину вместе с Александром Завоевателем. Прадед Мафусаила был сотником у великого полководца. Звали его Диад. Он был участником знаменитой осады Тира, и про него мой хозяин мог рассказывать бесконечно.

Тир считался неприступным городом, ибо был отделён от суши проливом. Александр велел солдатам засыпать эту водную преграду. Он обещал назначить начальником гарнизона того командира, чья сотня первой ворвётся в город, и хотя штурм был очень кровопролитным, а сопротивление защитников отчаянным, первым в город вошли именно солдаты отважного сотника Диада. Часть жителей города была перебита, а прочих взяли в рабство. Диад, уже,

будучи начальником гарнизона Тира, следуя указанию Завоевателя брать в жёны жительниц завоёванных стран, женился на иудейке, и его примеру в дальнейшем последовали все мужчины рода, постепенно смешавшись с местным населением. Мой хозяин тоже не преминул так поступить, но, будучи бесплодным, не смог продолжить свой род

В доме Мафусаила я впервые увидел книги – рукописные листки пергамента, аккуратно зашитые в деревянный оклад, хранили людскую мудрость. Написаны они были, в основном, на греческом, а самая толстая являлась трактатом по врачеванию, автором которого был лекарь самого Александра Великого. Текст чередовался с изображениями частей человеческого тела и врачебного инструментария. Отдельная глава была посвящена описанию лекарственных растений. Я часами вглядывался в незнакомые мне буквы, стараясь угадать их магический смысл. Мафусаил, заметив мою тягу к познаниям, принялся обучать меня греческому языку и письму.

Греческий – язык медицины и без него не может обойтись ни один лекарь, ибо основные труды с описанием недугов и способов избавления от них были написаны авторами из Эллады. Очень скоро таинственные письмена приобрели смысл и превратились в слова и предложения. Мудрость, пришедшая из глубины веков, раскрылась передо мною, и я принялся с жадностью поглощать один трактат за другим.

Решив не останавливаться на достигнутом, Мафусаил принёс однажды учебник латыни, и вскоре я мог сносно изъясняться на языке римлян.

Долгими зимними вечерами, при свете лампы Мафусаил с увлечением рассказывал мне историю давно минувших лет: про подвиги Александра Завоевателя, про великую Элладу и про Богов Олимпа.

Всё греческое пришло в Иерусалим вместе с Великим Завоевателем. Иерусалим и прочие города Иудеи покорно открыли перед ним врата и потому не подверглись разрушениям. Надо отдать должное Завоевателю: он наравне с прочими царями сделал щедрые жертвоприношения Главному иерусалимскому храму.

Воины Александра Великого принесли в Иудею своё письмо, литературу, астрономию и, конечно же, совершенное искусство врачевания. Единственное, что не смогло прижиться, так это поклонение Богам Олимпа, ибо жрецы иерусалимского храма ревностно охраняли иудейскую веру от инакомыслия. Тому пример – возмущение против селевкидского царя Антиоха Епифана, который осмелился осквернить главную иудейскую святыню, приказав установить в храме статуи Зевса и Аполлона. Кроме того, он прилюдно резал свинину, а также велел казнить матерей, намеревавшихся сделать обрезание своим младенцам. Иудеи свергли его власть, сделав своим правителем древний род Маккавеев. С тех пор уже несколько десятилетий, каждый *кислив-месяц* мы торжественно отмечаем Хануку, а главный Иерусалимский храм стал самым высоким строением города, ибо каждый её житель ежедневно и еженощно, с любого места должен был лицезреть золотисто-белую иудейскую святыню.

Обо всём этом мне рассказывал Мафусаил и я, будучи от природы смыслённым малым, хорошо всё усваивал. Именно Мафусаил дал мне отличное образование, благодаря которому я смог добиться всего, чем горжусь поныне, и я благодарен ему за это.

Прошло шесть лет, и я из шустрого деревенского подростка превратился в грамотного, хорошо обученного юношу, познавшего азы медицины, владеющего в совершенстве языком Эллады и несколько хуже – латынью. К тому времени скончалась сварливая жена хозяина, и я стал для пожилого лекаря единственной опорой.

Мафусаил жил в богатом районе, где обитали зажиточные семьи. Он сдержал слово, данное некогда моей матери. За всё время пребывания в Иерусалиме никто так и не догадался о моём происхождении, хотя не исключено, что я частенько встречался с роднёй по материнской линии. Правильность этого решения была очевидна, ибо имя матери здесь навсегда было предано забвению.

Я уже упомянул, что Маккавеи запрещали всё греческое. Преследовалась не только вера в Богов Олимпа, но и стремление к атлетизму. Молодёжи возбранялись всякого рода состязания, особенно те, во время которых обнажалось тело.

Единственное что нам не запрещалось – это стрельба из лука. По вечерам мы со сверстниками устанавливали на широкой стене одного из домов деревянную мишень и начинали стрелять с расстояния двадцати шагов. Постепенно это расстояние увеличивалось, и победителем признавался тот, кто смог попасть в мишень с самой дальней дистанции.

Лучше всех стрелял Шимон – сын зажиточного торговца шёлковым сукном. На зависть всем, он был обладателем великолепного гастропета, о котором мы могли только мечтать. наших средств едва хватало, чтобы соорудить подобие лука.

У Шимона была кареглазая, светловолосая сестра по имени Лия с аппетитными ямочками на щёчках. Одного её взгляда было достаточно, чтобы сделать из меня меткого стрелка, и потом во мне говорила кровь предков-итурейцев, считавшихся прирождёнными лучниками.

Лия была самой младшей в семье. Ежедневно в один и тот же час она выходила из дома и относила еду отцу в торговую лавку: это был единственный повод для наших встреч. Я с нетерпением ждал сего часа, после чего мы, счастливые, шагали рядом. Мне уже исполнилось восемнадцать, Лии – едва пятнадцать, а любовь в этом возрасте бывает самой нежной и непорочной.

Родители Лии, с тревогой наблюдали за нами, однако категорического протеста не выражали, вероятно, потому что я был учеником самого именитого лекаря в Иерусалиме.

Мафусаил, прознав о моём равнодушии к девушке из семьи купца-иудея, принялся давать наставления из своего богатого жизненного опыта:

– Запомни Соломон: мужчина не должен выставлять напоказ свою страсть к противоположному полу. Хладнокровие с оттенком пренебрежения – вот залог его успеха. Женщины, если, конечно, они не продажные, ненавидят, когда чувствуют себя мишенями мужской похоти. Наоборот, показное равнодушие вперемешку с изысканной галантностью заинтриговывает вожделенную особу, вызывает в её душе внутренний протест, заставляя самой проявлять инициативу, – и очень скоро она становится жертвой собственного любопытства.

Подобные оригинальные рассуждения были для меня полной неожиданностью. Мафусаил, который всю жизнь провёл рядом с невзрачной безынттересной женщиной, теперь разглагольствовал как бывалый женский угодник и сердцеед. Однако в последующей жизни мне раз приходилось убеждаться в правоте учителя.

И вот настал тот роковой день, который я не забуду никогда. День, который в корне изменил всю мою жизнь. Такие "поворотые события" случаются с каждым из нас, но беда в том, что мы об их приближении даже не догадываемся. И хотя по здравом размышлении становится ясно, что судьбу свою сковали мы сами, всё же большинство предпочитает это отрицать и возлагать ответственность на проказницу-Фортуна.

После полудня вернулся хозяин с большой корзиной свежесобранных персиковых листьев.

Иерусалим утопал среди фруктовых деревьев, а к концу лета персиковые плоды наливались ароматным нектаром, краснели и румянились. Ветки постепенно прогибались под тяжестью плодов, наклоняясь всё ниже к земле, и потому бережные садоводы в это время года ставили под деревья подпорки. После сбора плодов листья у персика достигали максимальных размеров и приобретали тёмно-зелёный окрас. Именно такую сочную листву принёс мой хозяин в тот день.

– А ну, Соломон бросай всё и принимайся за дело, – запыхавшись, сказал он, – Надо эти листья выпарить и срочно приготовить отвар.

Я хорошо представлял, что это такое. Персиковые листья, выпариваясь, образуют жидкость с запахом горького миндаля – а это яд, способный погубить даже человека.

– Кого это ты хочешь отравить? – спросил я хозяина.

– Крыс, – невозмутимо ответил он, – не позднее чем через два часа придёт заказчик, обещавший хорошо заплатить, если мы уложимся в срок. Так что немедленно приступай, а мне надо проведать больного возле Дровяного базара.

Сказав это, Мафусаил удалился пускать очередную порцию крови, а я приступил к работе.

Тщательно отмыв листья, я начал их выпаривать на медленном огне, и вот уже в посуду закапала жидкость с характерным запахом, который я ни с чем бы ни спутал.

Для лекарств у нас была особая полка. Хозяин требовал, чтобы снадобья содержались в строгом порядке. Для этого он у гончара заказывал небольшие глиняные сосуды особой, уникальной формы и помечал их в зависимости от содержимого. Например, лекарства от лихорадки содержались в зелёном сосуде, а ядовитые средства метились дорожкой пурпурной краской, которую получали из тирского моллюска, обитаемого в морских глубинах. После окончания работы я залил полученную жидкость в ёмкость именно с пурпурной меткой.

Закончив работу, я быстро переоделся и вышел на улицу. Наступал "час Лии". Она грустно брела в одиночестве но, увидев меня, сразу повеселела. Беззаботно беседуя и смеясь, мы зашагали по летнему городу, – казалось, солнце светило только для нас, а птицы щебетали про нашу любовь.

Вскоре мы добрались до торговой лавки её отца, которая располагалась на многолюдной базарной площади. Хотя этот магазин и принадлежал иудею, однако торговлю вели финикийцы. Продать дорогую шёлковую ткань – задача не из лёгких, но финикийцы были мастерами своего дела. В лавке всегда находилась красавица-рабыня с чёрными как смоль волосами и изумительно тонкой талией. Как только шустрый зазывала приводил покупателя в магазин, один из торговцев ловким движением накидывал на плечи рабыни кусок шёлковой материи с пурпурным изумительным отливом, а второй затягивал её на талии. От подобных манипуляций рабыня превращалась в обворожительное существо, достойное услаждать взоры Богов. Естественно, даже самая неказистая женщина не могла устоять перед соблазном стать красавицей, наивно полагая, что причина кроется именно в этой дорогой ткани и, хотя шелка на базарной площади предлагали сразу несколько лавок, в магазине отца Лии торговля шла наиболее бойко. Сам же он следил за тем, чтобы не было воровства, а по вечерам подсчитывал солидный куш.

На обратном пути я опять вспомнил о приготовленном отваре.

– Лия! Я должен вернуться. Придёт заказчик, а хозяина нет.

– Ну, ты иди, а я вернусь домой, – ответила девушка и надула губки.

– Не обижайся. Я только отдам отвар и быстро вернусь.

– Если я вернусь домой, то больше не выйду, – обиженно продолжала Лия.

– Тогда пошли вместе, – предложил я и посмотрел ей в глаза.

– Тогда пошли, – ответила она кокетливо и захохотала.

Её задорный смех, ямочки на зардевшихся щеках, блеск карих глаз, – всё это вскружило мне голову. Не веря своему счастью, я схватил её за руку и быстро зашагал к дому Мафусаила. Не отпирая входную дверь, я забрался в мою комнату через окно, а затем, используя приставную лестницу, помог войти Лии. Я и раньше так поступал, когда нужно было незаметно ускользнуть из дому.

Как только мы оказались одни, я сразу заключил свою возлюбленную в жаркие объятия. Её невинное девичье тело затрепетало под настойчивыми юношескими руками, и наши губы слились в страстном поцелуе.

– Постой, Соломон. Не спеши, – нежно прошептала она, – скажи, что ты всю жизнь будешь любить и защищать меня.

– Буду, буду, моя дорогая, – с нетерпением отвечал я, недоумевая, о какой опасности может идти речь в этот восхитительный миг.

– Обещай, что не бросишь меня в трудную минуту.

– Конечно, не брошу, моя прелесть, – удивленно проговорил я, поражаясь, какая ерунда ей лезет в голову в эти счастливые мгновения.

Вдруг заскрипел замок в двери, и в дом вошёл хозяин в сопровождении незнакомца. Мы тут же замерли. Я разомкнул объятия и стал тихо присматриваться из-за двери.

Хозяин прошёл вперёд и стал что-то искать. Незнакомец терпеливо выжидал. Он был в тёмном плаще, а лицо укрыто капюшоном.

– Вот оно, – сказал Мафусаил, держа в руке приготовленное мною зелье.

Незнакомец взял отвар, осторожно понюхал и поморщился от резкого миндального запаха. Чтобы лучше разглядеть товар, он откинул капюшон и при тусклом свете я успел рассмотреть лицо. У него была густая чёрная борода и косматые неестественно взъерошенные волосы. Правый глаз прикрывал мрачный лоскут ткани, а левый сверкал так яростно и напряжённо, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из своей орбиты.

– Ты уверен, что эта жидкость может убить человека? – спросил одноглазый незнакомец.

Прозвучала невнятная латинская речь, из чего я сделал вывод, что эта нелицеприятная личность является римлянином.

Про Рим мне много рассказывал Мафусаил. В моём понимании это была далёкая страна, где живут богатые люди, имеющие множество рабов, которых им поставляет хорошо обученная сильная армия.

– Это очень сильный яд. Он действует моментально, – похвалил свой товар Мафусаил, явно щеголяя своим знанием латыни.

Одноглазый принялся отсчитывать тетрадрахмы.

Мой хозяин стоял, напряжённо наблюдая за этой процедурой. Деньги он уважал более всего на свете.

В это время в доме воцарилась такая тишина, что я отчётливо слышал за спиной напряжённое дыхание моей возлюбленной.

Одноглазый стал настороженно вертеть головой.

– А мы здесь не одни! Нас кто-то подслушал! – воскликнул он и, выхватив короткий меч, бросился в нашу сторону.

Я схватил Лию за руку и потащил к окну. В следующее мгновение мы уже спускались вниз. Спрыгнув на землю, я тотчас отшвырнул лестницу от стены, и мы помчались к дому Лии. Убегая, мы почти одновременно обернулись и увидели в окне страшное лицо одноглазого. К счастью, мы отбежали достаточно далеко, и догнать он нас никак не мог.

Добежав до ворот, мы быстро зашли во двор.

– Тут мы в безопасности, – сказала Лия, переводя дух, – пошли в дом.

Лия потянула меня за собой.

– Ты иди, – ответил я уклончиво.

– А ты? Неужели собираешься вернуться? – возмутилась она, – это же небезопасно.

– Ты преувеличиваешь, моя дорогая, – сказал я бодрящимся тоном, – и потом я не намерен возвращаться домой.

Я уже собирался уходить, но Лия не отпустила меня.

– Прошу тебя останься. У меня дурное предчувствие. От этого одноглазого всего можно ожидать.

– Ничего страшного, – бравировал я, – в этом городе у него руки короткие. И потом, как я здесь останусь? Твои родители могут плохо обо мне подумать. А за меня не беспокойся. Я себя в обиду не дам.

Её прекрасные карие глаза излучали одновременно любовь и тревогу.

– Подожди. Я сейчас приду, – сказала Лия и исчезла в доме.

Вскоре она вернулась, держа в руках гастрोфет брата. Тот самый гастрोфет, стрелять из которого было нашей всеобщей мечтой.

– На, держи. С ним тебе будет надёжней, – сказала она, протягивая мне великолепное оружие.

– Нет, Лия. Я не возьму его. Шимон, если узнает, будет рвать и метать.

– Ничего, обойдётся.

Я с нежностью посмотрел на эту восхитительную девушку, и сердце моё переполнилось безграничной любовью к ней.

– Хорошо. Так и быть. Но завтра непременно верну, – согласился я.

– Тогда до завтра, мой любимый, – нежно проговорила Лия и робко чмокнула в щеку.

– До завтра, моя прелесть, – ответил я и осторожно вышел за ворота.

На улице стоял полуденный зной, и горожане укрылись в прохладных покоях своих домов. Я быстро зашагал в сторону Овечьего рынка. Домой мне действительно не хотелось, и причина была не только в возможности столкновения с одноглазым. Вряд ли он бы там остался. Угроза миновала, и, как мне казалось, навсегда. Моя возлюбленная была в безопасности, и я решил побродить по окраине города, а заодно пострелять из великолепного оружия, доставшегося мне, как я предполагал, на короткий срок.

Беспечно шагая, я очутился в местечке Бет-Зейта. Здесь, за пределами городских стен находились скотные базары. Поодаль росло множество фруктовых деревьев: фиников, смоковниц, персиков.

Иерусалим располагался на пересечении торговых путей и был местом стоянки купцов. В глубине загородных садов были выстроены постоянные дома, как для простого люда, так и для богатых торговцев, во множестве прибывающих в наш город.

Очутившись в тенистой прохладе деревьев, я принялся заряжать гастрोфет. В отличие от обычного лука, тетива у него затягивалась путём упора на живот. Именно этим объяснялось его название, перешедшее к нам от воинов Эллады.

Я пустил в мишень несколько стрел и порадовался собственной меткости. Но одна стрела затерялась в высокой траве. Я принялся шарить и наткнулся на какой-то твёрдый предмет. Медленно подняв находку, я чуть не вскрикнул от неожиданности. Это был пустой кувшин, помеченный пурпурной краской. Ошибиться я никак не мог. Форма кувшина и, самое главное, нанесённая на неё дорогая краска не оставляли сомнений в его происхождении и, хотя он был пуст, запах миндаля, говорил, что там совсем недавно хранился приготовленный мною отвар персиковых листьев. Стало быть, одноглазый уже применил его содержимое, резонно заключил я и повернул голову в сторону находящегося поблизости гостевого дома.

Стоял жаркий летний день, и посетители расположились во дворе в тени раскидистой смоковницы. Несколько мужчин, усевшись за широким столом, намеревались трапезничать. Внешне они походили на богатых купцов. Им уже вынесли ароматную баранину, а вслед за этим и большой кувшин с вином, которое слуга стал тут же разливать. Но еще до того, как они поднесли чарки к губам, я с криком «вино отравлено» запустил в кувшин стрелу. Глаз не подвёл меня, кувшин тотчас разлетелся на мелкие кусочки, а красное вино, словно свежая кровь, разлилось по земле. В следующее мгновение мужчина исполинских размеров налетел на меня и занёс над головой меч, который, наверняка, опустился бы со страшной силой, если бы не окрик одного из купцов, – по-видимому, их главаря. Воин нехотя опустил меч и, выхватив из рук мой гастрोфет, потащил к столу.

– Вино отравлено! – снова и снова повторял я, и для пущей убедительности сказал то же самое по-гречески.

– Отравлено? – повторил на том же языке главарь, – откуда тебе известно?

Он посмотрел на меня сверлящим взглядом, словно бы желая проникнуть в сокровенные тайны моего ума.

Это был пожилой мужчина, с короткой седой бородкой и властными карими глазами. Его орлиный нос, свисающий над тонкими губами, отнюдь не портил внешность. Одет он был в тунику из дорогого пурпурного шёлка, подпоясанную широким кожаным ремнём, на котором висел короткий меч. Пальцы рук украшали перстни с разноцветными камнями.

– А ну говори, юноша, почему ты решил, что вино отравлено? – спросил меня подошедший лысый мужчина средних лет.

Отсутствие волос на голове компенсировала густая чёрная борода, сплетенная во множество тоненьких косичек. Подобной замысловатой бородки я ни у кого ранее не встречал.

– Здесь хранился яд, – сказал я, указывая на наш пурпурный кувшинчик.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что лично его приготовил, – честно признался я и, приняв хавшись к содержанию одного из кубков, добавил, – вот, можешь сам в этом убедиться.

Бородатый щёголь осторожно принялся и, поморщившись, с тревогой обратился к вожаку:

– Мецн! Похоже, что этот юноша прав! Вино и пустой кувшин, вернее то, что от него осталось, одинаково неприятно пахнут!

Мецн грозно посмотрел на меня. Властные карие глаза опять принялись сверлить.

– Говори немедленно! Кому ты продал этот кувшин? – спросил он строго.

– Провдал не я, а мой хозяин. Какому-то одноглазому римлянину.

Услышав это, мужчины тревожно переглянулись.

– Как тебя зовут, юноша? – спросил лысый.

– Зовут меня Соломоном. Я помощник лекаря Мафусаила.

– А почему ты думаешь, что этот одноглазый человек – римлянин? Может он иудей или финикиец?

– В том то и дело, что нет. Он говорил по-латыни.

Сказанное сильно озадачило присутствующих. Воцарилось напряжённое молчание.

– Пусть Соломон расскажет всё, что видел, без утайки, – раздался голос Мецна.

Брови его свелись воедино, а щёки втянулись вовнутрь, отчего скулы ещё больше стали выдаваться.

– Давай, юноша, рассказывай. От этого зависит судьба многих, в том числе и твоя, – произнёс лысый.

Я принялся пересказывать в мельчайших подробностях события прошедшего дня, и лица у мужчин становились всё более озабоченными.

– Ты всё слышал, Мецн? – спросил лысый.

– Да уж не глухой, – ответил тот.

– Теперь ты понял, кто за тобой охотится?

– Я не дичь, чтобы за мной гоняться! – возмутился Мецн, хватаясь за рукоятку своего меча. – Как ты смеешь допускать подобные выражения, Меружан!

Меружан – так звали лысого – вовсе не смутился: по-видимому, ему были позволительны подобные выходки. Он продолжал в том же нравоучительном тоне:

– Дичь или нет, но факт налицо – римляне пытались нас отравить. К сожалению, я оказался прав. Нельзя было путешествовать без достаточного количества войск.

– Да пойми ты! Не мог же я заявиться в этот город с целой армией, – произнёс уже виноватым тоном Мецн, – это было бы расценено как вторжение. И потом, мы путешествуем инкогнито, под видом заморских купцов.

– Инкогнито? – удивился Меружан, – и всё-таки римляне сумели нас распознать.

– Кто же, по-твоему, выдал нас?

– Ясно кто. Маккавеи, с которыми ты уже неделю ведёшь переговоры.

– Маккавеи? Чушь! Разве им выгодно выдавать Риму, этому потенциальному агрессору, своего вероятного союзника?

– Разумеется, нет. Но и среди Маккавеев есть противники нашего союза. Именно они и выдали нас. Этот город, с виду такой мирный, кишит римскими лазутчиками, и их главарь, одноглазый Крикс, нашёл нас. Ты, Мецн, недооценил противника – на этот раз тайного.

Я ожидал, что сейчас на Меружана обрушится страшный гнев. Но, вопреки моему прогнозу, Мецн стоял неподвижно и, казалось, пребывал в растерянности. Было видно, что он осознал ошибку, и теперь досада мучила его.

– Что же нам делать? – спросил он.

– Бежать отсюда – и как можно скорее! – ответил Меружан.

– Но я не закончил то, что задумал, – упрямо произнёс Мецн.

– Мы не можем более рисковать, – заявил Меружан. – Наше присутствие здесь – крайне рискованная авантюра, ответственность за которую несешь ты.

– Итак, ты предлагаешь исчезнуть? – сказал Мецн, – Именно в то время, когда в наших переговорах наметился существенный прогресс.

– Мецн! Речь идёт о твоей жизни. Перед этим меркнет всё! – твёрдо ответил Меружан.

– Я хочу узнать, кто подлил в вино яд? – сказал Мецн. – Злоумышленник должен быть наказан.

– Какое имеет значение, кто? Боги, смилостивились над нами, послав на помощь этого юношу, так давай же не будем более искушать судьбу и быстро покинем сей негостеприимный город.

Всё это время я стоял в сторонке, молча вслушиваясь в разговор двух мужей. Кое-что мне удалось уразуметь, хотя о многом я хотел спросить, но не решался.

Меружан перевёл на меня свой взгляд и сказал:

– Тебе придётся остаться с нами, юноша.

– Это почему же? – спросил я.

– Сегодня ты стал врагом Рима, великого и беспощадного.

– Неужели ты думаешь, что этот одноглазый захочет убить меня? – спросил я.

– Ты до сих пор жив лишь благодаря тому, что находишься среди нас. Вернись ты опрометчиво домой – тебя бы ждала смерть.

– Да кто же такой этот проклятый римлянин?! – воскликнул я в сердцах.

– Одноглазый Крикс или, как его называют сами римляне, – Крикс Анокули, что, в сущности, одно и то же, – ответил Меружан. – Коварный и беспощадный исполнитель тайной службы Римской империи.

– А какое отношение это имеет ко мне? – спросил я.

– Сегодня ты встал ему поперек дороги. Крикс очень злопамятен. Он не успокоится, пока не убьёт тебя.

– Не надо преувеличивать, Меружан, – вмешался в разговор Мецн.

– Я вовсе не преувеличиваю, – ответил лысый. – Соломон должен быть предупреждён.

Он спас нам жизнь, и мы должны позаботиться о нём.

Сказанное Меружаном сильно озадачило меня. Я начал беспокоиться за жизнь Лии.

– Я хочу предупредить свою возлюбленную.

– Это не та ли девушка, с которой ты подглядывал за Криксом? – спросил Меружан.

– Именно.

– Судя по твоему рассказу, она славная девушка. Только ходить тебе к ней не безопасно.

– Чепуха! Ради неё я готов на всё, – запальчиво произнёс я.

Лысый Меружан внимательно посмотрел на меня. В этот момент я прочёл в его взгляде не то сожаление, не то плохо скрытую зависть.

– Неужели ты настолько её любишь, что готов пожертвовать собой? – спросил он задумчиво.

– Я люблю её больше всех на свете!

– А она отвечает тебе взаимностью?

– Конечно! Этот гастрófет принадлежит её брату. Она отдала его, чтобы я мог защищаться от врагов.

– Славная девушка! – воскликнул Мецн. – Так вот кому мы обязаны своим спасением!

– Тебе нечего беспокоиться, – сказал Меружан. – Лии в стенах отцовского дома ничего не угрожает.

– Ты прав, но она носит отцу еду в торговую лавку.

– В торговую лавку, говоришь? – переспросил Меружан задумчиво. – Когда?

– Происходит это ежедневно, в одно и тоже время, к полудню, когда солнце находится в зените, – ответил я.

Меружан задумался и сказал:

– За неё можешь не беспокоиться! Криксу ведь неизвестно об этом.

– Соломон, – вмешался в разговор Мецн. – Боги Олимпа твоей рукой выстрелили из гастрófета и спасли нам жизнь. Это хороший знак. Оставайся пока с нами. Вернуться в аптечную лавку ты всегда сможешь.

Упоминание про Богов Олимпа вызвало у меня приятные ассоциации. За годы, проведённые в доме Мафусаила, я стал их тайным приверженцем, несмотря на все запреты жрецов Иерусалимского храма.

Боги Олимпа! С каким увлечением рассказывал мне Мафусаил интереснейшие истории из их жизни. Зевс, Афродита, Артемида, Аид – вот основные герои наших вечерних посиделок.

– Эй, Аждахак! – крикнул Меружан. – С первыми лучами солнца мы выступаем. Этому юноше дадите хорошего коня. Ну что, Соломон! Гордись! С этого момента ты стал другом посланника царя Армении. Останешься ночевать с нами. Здесь для тебя – самое безопасное место.

Об Армении я знал мало, или же вообще ничего. Мафусаил лишь однажды мельком обмолвился про эту страну. Он рассказывал, что её царь захватил Антиохию, а вместе с ней и трон ненавистных иудеям Селевкидов.

– Где же находится Армения? – поинтересовался я у Меружана.

– Это огромное царство. Оно простирается от Антиохии до степей Каспия.

То, что Антиохия расположена вблизи от Срединного моря, я знал, а вот про Каспий услышал впервые. Но чтобы не выглядеть невеждой, предусмотрительно промолчал.

Не скрою, мне было лестно находиться в компании сильных мужчин, которых мне удалось уберечь от смерти, и я решил пока остаться.

С первыми лучами солнца небольшой отряд двинулся в путь, и вскоре мы проехали Женские ворота Иерусалима.

Меружан остался в городе. Он должен был догнать нас, пополнив запасы провианта и воды, необходимой для длительного перехода.

Очутившись за пределами города, замаскированный под купцов отряд перестал скрывать оружие, и вскоре мы представляли хорошо вооружённую дружину.

Во главе шёл Аждахак – широкоплечий великан, сидевший на крупном вороном коне. Это он набросился на меня с мечом и чуть было не разрубил надвое. Далее шли два плотных ряда ратников, и уже почти в центре располагался сам Мецн. Изредка к нему подбегали выставленные вперёд разведчики и докладывали о ситуации на дороге.

Когда мы прошли достаточное расстояние и крепостные стены скрылись из виду, меня охватило чувство, будто я навсегда покидаю город, где остались любимая девушка и старик Мафусаил, и от этого мне взгрустнулось.

Ближе к вечеру нас догнал запыхавшийся Меружан. Он был бледен и чем-то встревожен.

– Что случилось? – тревожно спросил Мецн. – Где провиант и вода?

– Плохи наши дела, – ответил Меружан, тяжело дыша, – Погоня. Целая когорта легионеров идёт след за нами от самого Иерусалима.

Это известие озадачило Мецна. Он задумчиво посмотрел вдаль, обдумывая создавшуюся ситуацию. Вдруг его лицо вытянулось от изумления.

– Эй вы, посмотрите туда! Правда ли то, что я вижу, или это мерещится моим старым глазам?

Мецн указал в сторону возвышенности, справа от дороги.

День близился к концу, и заходящее солнце высветило распятого человека. По мере приближения стало очевидно, что это женщина. Мецн с Меружаном озадаченно переглянулись. Крест с казнённым означал, что здесь хозяйничали римляне.

Мы приблизились настолько, что я стал различать очертания несчастной и тут будто молния ударила мне в голову. О Боги, это была Лия!

Я как сумасшедший вырвался вперёд и помчался к кресту. Да, это была моя возлюбленная! Одежда лохмотьями висела на ней, всё тело было покрыто ссадинами, а на бёдрах струйками засохла кровь. Вероятнее всего, Лию выкрали, когда она несла еду отцу. Этот нелюдь надругался и изнасиловал её, а затем распял на кресте.

Ратники подбежали, свалили крест и сняли девушку. Я припал к ней, но она уже не подавала никаких признаков жизни. Сердце не билось, и душа навсегда покинула её хрупкое, не познавшее радостей любви несчастное тело. В бессильной ярости я закатил глаза и издал вопль отчаяния.

Меружан подошёл ко мне и произнёс:

– Успокойся, Соломон. Мы отомстим за неё. Клянусь всеми Богами, непременно отомстим.

– Это Крикс. Этот одноглазый пёс погубил мою возлюбленную! – воскликнул я.

– Конечно, Крикс. Только он мог так хладнокровно замучить, а потом распять невинную девушку, – согласился Меружан, – ну ничего. Негодяй заплатит за это сполна!

Всё это время Мецн мрачно наблюдал за нами.

– Там, где Рим, там горе и несчастья, – произнёс он и, недоумевая, добавил. – Но вот что удивительно, Меружан. Казнить женщину – тем более, совсем юную девушку – не в правилах у римлян.

– Крикс это сделал специально, – заключил Меружан, – ему известно, что Соломон находится среди нас. Мол, смотри – никто не уйдёт от моего возмездия. Несчастливая девушка, не выдержав мучений, погибла задолго до распятия.

Я вспомнил, как просила она защищать от любой опасности и как я уверенно обещал это. Но очень скоро она погибла от рук коварного насильника, а я оказался бессилён спасти её.

Мы похоронили Лию там же, на месте распятия. Из камней соорудили нечто вроде склепа и погрузили туда покойную. Её крест я решил водрузить над могилой, чтобы потом было легко найти.

Именно с этого места началась моя новая жизнь. Здесь Рим в лице Крикса стал моим врагом. Здесь я окончательно решил остаться с посланниками Армении и отомстить за смерть возлюбленной.

– Клянусь тебе, что покараю твоего мучителя! Он не уйдёт от возмездия! – произнёс я на могиле Лии, и весь армянский отряд был свидетелем моей клятвы.

Тем временем подошли разведчики и стали что-то нашептывать Мецну.

– А вы не преувеличиваете? – спросил он строго.

– Нет, Мецн. Всё абсолютно верно.

– И сколько же их?

– Три когорты. Весь день целая когорта римлян под предводительством Крикса, ходила за нами по пятам, а тут ещё две когорты закрыли дорогу на Тир. Мы в ловушке. Римляне готовятся напасть на нас.

– Получат достойный отпор, – мрачно произнёс Мецн.

– Я не сомневаюсь. Но стоит ли так рисковать? – возразил Меружан, – три свежие когорты против горстки наших воинов.

– Что ты предлагаешь?

– Ты должен втайне покинуть нас.

– Это исключено, забудь.

– Совершенно ясно, что им нужен ты. Если они нападут, мы вынуждены будем взять тебя в кольцо и защищать. Как долго удастся отражать атаки трёх когорт? Кто может знать, не перебьют ли римляне всех нас? Без тебя же мы просто рассеемся в ночи, словно горсть гороха – и даже целый легион уже не сможет собрать нас.

– Значит, ты считаешь, что лучший вариант – бегство? – воскликнул Мецн.

– Не горячись, – продолжал уговаривать Меружан, – в данном случае бегство вполне оправдано. Ты и так поступил опрометчиво, путешествуя без войска, и сейчас расплачиваешься за эту ошибку.

Мецн ничего не ответил. Хотя доводы Меружана были вескими и неоспоримыми, но в глубине души я почему-то считал, что Мецн не должен покидать отряд.

Наступило тяжёлое молчание.

– Куда же я пойду? Две дороги перекрыты. А эта ведёт в пустыню, – наконец, произнёс Мецн.

– Именно в пустыню – наверняка, в ту сторону римляне не выставили дозор. Для пущей скрытности пойдёшь пешком. Так будет неприметней, и римские разведчики не заметят тебя.

– В пустыне без провожатого и выючных животных... Это равносильно смерти!

– Лошади в пустыне – только помеха. Их надо будет поить, а столько воды у нас нет. Река Иордан находится отсюда на расстоянии одного дневного перехода. Старайся всё время идти на Восток, и ты достигнешь оазиса или же повстречаешься с караваном. Да всё что угодно, лишь бы не попасть в руки римлян, ибо это означает неминуемую гибель. С тобой пойдёт Соломон. Он один раз уже спас тебе жизнь. Может, и сейчас повезёт. К сожалению, более никого отдать не могу. Для нас каждый воин сейчас дороже тысячи талантов.

Меружан подошёл ко мне.

– Соломон! События этого дня, перевернули твою жизнь. Нет времени рассуждать, хорошо это или плохо. Сейчас одна задача – ты должен пойти с Мецном и сделать всё, чтобы он дошёл живым до Антиохии. Ты понял меня?

Я хотел, было, возразить против такого решения. Остаться и отомстить одноглазому – вот чего я желал в этот момент. Однако понял, что это невозможно. Мецна нельзя было отпускать без спутника. Я как человек не пригодный в бою, но побывавший однажды в пустыне, должен был сопровождать его.

– Я согласен, – ответил я, – но об одном прошу тебя. Чего бы это ни стоило – убей Крикса. Уничтожь кровожадного пса, отомсти за Лию!

– Я сделаю это, – ответил Меружан уверенно, – не сомневайся.

Мецн встал и окинул взором дружину. Хорошо вооружённым крепким воинам предстояла битва с трехкратно превосходящими силами врага.

Мецн стал по-быстрому прощаться. Наконец, он подошёл к Меружану и произнёс:

– Я жду тебя в Антиохии целым и невредимым.

В сказанном я расслышал не столько приказ, сколько просьбу.

– Ладно, идите. Богиня Селена сегодня на нашей стороне, и слабый свет полумесяца не выдаст вас, – сказал на прощание Меружан.

Взяв запасы воды и еды на один день (больше не могли, ибо Меружан так и не доставил провиант), мы исчезли в ночи. Шли скрытно, пригнувшись, осторожно ступая по земле и стараясь не задевать листву. Скоро мы благополучно отошли на безопасное расстояние и при слабом лунном свете тихо зашагали по пустыне, строго придерживаясь восточного направления.

Вдали послышался шум завязавшегося боя. Мецн молча шёл, изредка мрачно озираясь назад.

Ночной поход в пустыне не представляет особой сложности, под покровом темноты, можно преодолеть довольно большое расстояние. Именно так мы и поступили. Сделав за всю ночь лишь две остановки, к утру прошли большой путь, и, по моим расчётам, должны были в полдень добраться до оазиса. Но солнце поднималось всё выше, а пустыне, казалось, не было конца. Нам приходилось постоянно смачивать одежду, головные уборы и обувь, отчего наши скудные запасы воды быстро иссякали, а солнце продолжало нещадно палить. Когда начало темнеть и испепеляющий диск светила скрылся за песчаными дюнами, мы, изнеможённые, свалились на землю. За весь день Мецн не проронил ни одного слова и сейчас мрачно лежал на ещё горячем песке.

– Здесь нет никакого оазиса, – выдавил он, наконец, из себя.

– Оазис должен быть, – ответил я.

Спорить ни у кого из нас не было сил. Изнемождённые, мы разлеглись под пологим склоном дюны и заснули мертвецким сном.

Наутро всё повторилось. Однако запасы воды уже кончились, и бороться с жарой было нечем. Когда солнце вновь начало свою огненную атаку, силы начали покидать нас. Первым упал на раскалённый песок Мецн. Я опустился рядом с ним и заглянул ему в лицо. Оно выглядело удручающе: растрескавшиеся губы, обожженная кожа. Старик едва дышал, его тяжёлые веки так и не приподнялись, несмотря на мои настойчивые призывы. Здравый смысл подсказывал мне бросить попутчика и спасаться самому, пока были на это силы.

Сейчас, спустя много лет, я вновь и вновь пытаюсь понять, что удержало меня тогда рядом с немощным Мецном. Я был волен бросить его и вернуться обратно в Иерусалим, в дом лекаря Мафусаила, к прежней спокойной жизни. Но необъяснимое чувство овладело тогда мною. Лёжа рядом с умирающим стариком на раскалённом песке, я понял, что наши судьбы навечно связались прочными невидимыми нитями. Возможно, наша встреча была предопределена Богами? Воспоминание о кресте, на котором распяли девственное тело Лии, вновь и вновь пронизывало мой ум. Лютая жажда мести овладевало мною, и хотя мы оба были обречены на медленную смерть, я твёрдо решил не бросать старика.

Не знаю, как долго мы пролежали в полной безнадёжности, но когда я уже из последних сил приподнял голову, то увидел вдали очертания медленно шагающего верблюда. Сперва я подумал, что схожу с ума, но затем, осознав, что это явь, с трудом поднялся на ноги. Кто бы это ни был, враг или друг, – в нём было наше единственное спасение.

Я встал во весь рост и попробовал закричать. Из пересохшего горла удалось выжать подобие слабого хрипа. Я попробовал ещё разок. Опять хрип. Было ясно, что если я не смогу привлечь внимание, то они просто пройдут мимо. Я собрал последние силы и постарался крикнуть. Мне это удалось с огромным трудом. Окрылённый успехом, я повторил попытку. Моя глотка, освободившись от песка, наконец, смогла выдать призыв о помощи, и, к своей огромной радости, я заметил, что верблюды, изменив направление, пошли в нашу сторону.

Когда караван подошёл близко, я узнал своих сородичей по отцовской линии – арабов-итурейцев. Они с удивлением разглядывали нас. Без верблюдов по пустыне мог передвигаться разве что умалишённый. На радостях я произнёс приветствие по-арабски.

Спасти погибающего от жажды в пустыне – неписанный закон для всех путников, тем более, если он оказался твоим соплеменником.

Первое, что сделали арабы – обильно намочили нам головы. В течение многих веков это племя хорошо усвоило основные правила поведения в пустыне. Мецн открыл глаза и постепенно стал приходить в себя. Арабы начали нас осторожно поить водой, не давая проглатывать большие порции. Вскоре мы настолько окрепли, что смогли подняться на ноги.

– Кто вы такие? – спросил меня караванщик.

– Мы шли из Иерусалима в Тир. На нас напали римляне. Мы вынуждены были бежать в пустыню, – ответил я.

Араб сочувствующе покачал головой и опять спросил:

– Откуда знаешь наш язык?

– Мой отец – итуреец, – ответил я гордо, и на лицах арабов засияла улыбка.

Нас бережно усадили на верблюдов, и мы продолжили путешествие. Как выяснилось позже, мы с Мецном взяли неверное направление. Вероятнее всего это произошло ночью. В отсутствие такого ориентира как солнце, мы отклонились на север, что естественно удлинило наш путь, ибо оазис находился намного восточней. Эта ошибка едва не стоила нам жизни. Теперь же караван шёл в нужную сторону, и уже к вечеру мы увидели верхушки долгожданных пальм.

Любой человек, прибывший в оазис, вне зависимости от его народности, сословия или содержимого кошелька, является неприкосновенной личностью. Вне оазиса ты можешь быть кровожадным преступником, которого скоро поймают и казнят; мелким воришкой, которому палач готов отсечь правую руку; проституткой, отдающей своё тело за деньги, – но тут ты всего лишь гость, нашедший временный приют на островке природной благодати. В приветливой атмосфере оазиса ты чувствуешь себя частицей всеобщего мироздания.

Мы с Мецном, сидя под высокими пальмами, на мягких подушках, с наслаждением уплетали приготовленного для нас молодого барашка и запивали приятным галилейским вином.

– Пусть каждый подойдёт и возьмёт еды и вина столько, сколько захочет, – сказал довольный Мецн, – я угощаю всех.

Мецна словно подменили. Из мрачного путника он превратился в задиристого щедрого гостя. После всего пережитого он опять воспрянул духом.

– Спроси-ка, юноша, у караванщика, не в Антиохию ли он идёт?

– Я уже спрашивал, Мецн. Он идёт в другом направлении.

– В таком случае пообещай, что я выкуплю у него весь товар сразу же по прибытии в Антиохию. Не скупись и согласишься с любой ценой.

Когда мы покончили с барашком, женщины-рабыни, подали фрукты и сладости. Мецн обратил внимание на одну из них, со статной фигурой и длинными каштановыми волосами.

– Чья это женщина? – спросил он.

– Моя, достойнейший, – ответил пожилой хозяин.

– Продай её мне.

– Она не продаётся, достойнейший.

– Это невозможно. Назови цену.

– Дело не в цене. Она носит под сердцем моего ребёнка.

– Ребёнка! От тебя? И ты уверен, что это твоё дитя? – съехидничал посланник царя Армении.

Вино и вкусная пища распалили в Мецне сладострастие и, несмотря на свой преклонный возраст, он продолжал жадно таращиться на рабыню.

– Есть товар, более достойный твоего взора, – шепнул ему на ухо молодой финикийский купец, который вёз на продажу рабов.

– Какой? Показывай, – приказал изрядно захмелевший Мецн.

– Сначала договоримся в цене, – лукаво произнёс работороговец.

– Без наличия товара нет смысла торговаться, – вмешался я, желая оградить своего товарища от мошенничества.

– Погоди, Соломон, – произнёс Мецн, – так даже интересней. Я согласен. Назови свою цену, купец.

– За хороший товар я попрошу всего пятьдесят тетрадрахм.

Среди собравшихся пронёсся вздох изумления. Пятьдесят тетрадрахм за рабыню, пусть даже отменной красоты, было очень много.

– Неплохая цена, – произнёс невозмутимо Мецн, – А сколько ты хочешь за плохой?

– Плохой? – удивился финикиец и добавил самодовольно, – плохой я тебе задаром отдам.

Расчёт молодого купца был прост. Он сначала покажет захмелевшему гостю самых красивых рабынь и тот сразу выложит нужную сумму.

– Договорились, – сказал Мецн, – показывай товар.

Работорговец удалился и вскоре вернулся с четвёркой плотно укутанных женщин. Он стал по очереди открывать им лица, и при свете факелов взору присутствующих предстали молодые рабыни.

Они были разные, но каждая по-своему восхитительна. Финикиец подходил и торжественно представлял каждую. Белокожая фракийка с восковым лицом и разукрашенными руками, жительница южной Эллады с прямым носом и длинными пепельными волосами, статная смуглая пунийка с берегов Северной Африки и кареглазая, полногрудая киприотка.

Мецн медленно расхаживал среди рабынь, внимательно присматриваясь к каждой, и, наконец, произнёс деловито:

– Товар у тебя хороший. Видно, что содержишь в чистоте и сытости. Но таких у меня предостаточно. А нет ли чего необычного?

Молодой купец в недоумении посмотрел на Мецна.

– Остались ещё две, но там просто не на что смотреть, достойнейший, – ответил финикиец.

– Это спорный вопрос, – возразил Мецн, у которого был свой взгляд на женскую красоту, – показывай.

– Как пожелаешь, – с ухмылкой произнёс купец и вывел ещё двух.

Мецн сам открыл им лица. Первой оказалась плотная чернокожая эфиопка с толстыми губами и маленькими красными глазками. Такая годилась бы для тяжёлой домашней работы, а вовсе не для любовных утех. Вторая была маленькая курносая девчушка с веснушчатым лицом. Мецн сорвал с её головы накидку, и мощная копна огненно-рыжих волос рассыпалась перед ним. Глаза Мецна засияли от восторга.

– И ты скрывал от нас такую красоту! – произнёс он восхищённо. – Какое нежное лицо, какие изящные линии тела! Не знаю, как её прежде звали, но с этого момента будут величать Грацией.

Работорговец недоумевал. Вот уж не мог он додуматься, что этот богатый чужеземец отвергнет настоящих красавиц-рабынь и отдаст предпочтение щупленькой рыжухе и вдобавок назовёт Грацией.

– Откуда она?

– Я и сам толком не знаю. Наверное, из дальних стран Севера.

– Как же она попала к тебе?

Финикиец с улыбкой пожал плечами.

– Ладно, можешь не рассказывать, – сказал Мецн, – мне и так всё ясно. Римляне грабят далёкие страны, ваши пираты грабят римские суда.

Купец продолжал молчаливо улыбаться.

– Уговор наш помнишь? Я беру её даром.

– Бери, достойнейший, – без особого сожаления ответил работорговец.

- Ну что, Соломон? – обратился Мецн уже ко мне, – сумел договориться?
- Да. Караванщик согласен, – ответил я.
- Отлично! Тогда до утра. Эту рабыню мы берём с собой, – произнёс Мецн и вместе с девушкой исчез в своём шатре.

С первыми лучами солнца наш караван тронулся в путь. Мецн сидел на высоком верблюде, и голову его защищал навес. Лицо по-прежнему было строгим и властным, по-прежнему исходило уверенность и решительность.

– Почему ты не бросил меня в пустыне, юноша? – вдруг спросил он, не поворачивая головы.

Я молчал, не зная, что ответить.

– Ведь мог бы спастись в одиночку, а предпочёл остаться с умирающим стариком.

– Там, где я родился, не принято бросать людей в беде.

Мецн с удивлением посмотрел на меня.

– И где же ты родился?

– На берегу реки Иордан.

– Уж не в Самарии ли?

– Верно, в Самарии

Мецн с улыбкой посмотрел на меня.

– Выходит, что все самаритяне добрые люди, не ведающие о коварстве и зависти? А разве бывают такие на свете?

Не зная, что ответить, я тоже заулыбался.

– Самария тут не при чём, – продолжил мысль мой попутчик, – просто ты добрый малый и будешь по достоинству оценён.

Есть неписаное правило: когда идёшь по жаркой пустыне, чтобы сберечь силы, предпочтительней хранить молчание и изъясняться языком жестов. Наши караванщики поступали именно так, и только ближе к вечеру, когда жара начала спадать Мецн опять оживился.

– Мы с тобой – как те иудеи из вашего Писания, – вдруг заговорил он, вспомнив почему-то сюжет из священной книги, хранящейся в главном иерусалимском храме.

– Ты читал наше Писание? – удивился я.

– Представь себе, да! Причём на греческом.

– А что, уже есть перевод? – спросил я.

– Имеется. Литературное произведение, которое претендует на успех, должно быть непременно переведено на греческий, ибо язык этот наиболее распространён в мире и, без сомнения, способствует популяризации трактата. Перевели же Писание иудеи Александрии – города, где библиотек больше, чем синагог.

Упоминание об Александрии вызвало во мне приятные чувства. Побывать в городе, основанном Александром Великим, во втором мегаполисе после Рима, было давней мечтой лекаря Мафусаила. Мой хозяин с воодушевлением рассказывал про широкие городские проспекты; про набережную с многочисленными тавернами, по которой прогуливались богатые горожане; про огромную синагогу, способную вместить до ста тысяч человек; про иудейскую диаспору, которая посылала щедрые пожертвования в Главный иерусалимский храм.

– А в Армении изучают греческий? – спросил я.

– Да! В царских школах мегаполисов, – ответил Мецн.

– А латынь?

– Латынь в Армении знают лишь исключительные люди, так что – считай, Соломон, ты один из них. Для своего возраста ты отлично образован.

– Этим я обязан хозяину, – сказал я, вспомнив Мафусаила.

– Не скромничай, юноша. Не обладай ты врождённой смекалкой и определёнными способностями, никогда бы не осилил столько языков.

– А где ты получил образование? – поинтересовался я.

В глазах Мецна мелькнула грусть.

– В Парфии, – ответил он.

– В Парфии?

– Да, юноша. Я до сорока лет жил там, – ответил Мецн задумчиво.

– Ну, и чем же ты занимался?

– А ничем. Просто жил во дворце парфянского царя. Получил образование, много читал.

Кстати, там и ознакомился с вашим Писанием.

– Что же тебя привлекло в нём?

– Ну, во-первых, описание праотца Ноя, который спасся от всемирного потопа на горе Арарат. Да будет тебе известно, что это гора находится в Армении.

– Слышу об этом впервые.

– При случае обязательно покажу тебе это место.

– Рад буду увидеть. Что же ещё тебе понравилось в священном Писании?

– В иудейской вере мне нравится образ Бога. Он один на всех иудеев – и это их сплачивает, делает единомышленниками. Таким народом легко управлять. Один Бог – один народ – один властитель.

Я, привыкший к тому, что Яхве только возвеличивали, теперь с интересом выслушал мнение человека со стороны.

– Но наряду с этим у него есть один существенный недостаток.

– Какой? – удивился я, ибо слово «недостаток» применительно к иудейскому Богу сильно резало слух.

– Плох тем, что он безликий. А человек, по своей натуре, привязан к зримым образам. Разве я не прав?

– Сказать по правде, хотя я и иудей по матери, но эллинские боги мне больше нравятся, – ответил я почему-то, понизив голос.

Мецн уловил это и сказал с улыбкой:

– Можешь говорить об этом смело. Маккавеи тут не услышат тебя. Ну и чем же они тебе нравятся?

Я призадумался над ответом, но Мецн опередил меня:

– Они тебе нравятся, потому что похожи на живых людей, хотя и бессмертны, правильно? Так же влюбляются, так же завидуют друг другу, и ничто людское им не чуждо. На самом деле, их не существует. Они придуманы, согласен со мной?

– Да, согласен. Мне всегда нравились красивые истории про Зевса, Аполлона, Афродиту.

– Ну конечно, и будут нравиться. Людям во все времена интересно слушать про людей, тем более – облачённых в тоги богов.

– А кому преклоняется народ в Армении? – вдруг спросил я.

– Одна из богинь – Анаит, вроде Артемиды. А вот Арамазд подобен Зевсу. Есть ещё мужественный герой Ваагн и богиня любви Астхик.

Мецн замолчал, и только равномерный шелест верблюжьих шагов нарушал знойную тишину пустыни.

На закате седьмого дня путешествия мы достигли цели. На горизонте показались крепостные стены Антиохии.

– Ну, Соломон, сегодня ты заночуешь во дворце Антиоха, – сказал с восторгом Мецн, – в городе, который отстроил один из полководцев самого Александра Завоевателя – могучий Селевк.

– Меружан мне говорил, что сейчас здесь находится трон армянского царя.

– Не только трон, но и сам царь своим присутствием осчастливил южную столицу Армении.

– А какой он из себя этот царь Армении?

Мецн почему-то заулыбался моему вопросу, но потом ответил:

– Описать тебе его – у меня не хватит слов. Лучше дождись завтрашнего дня. Увидишь собственными глазами.

Тем временем мы достигли главных ворот города, и стража нас строго окликнула.

– Открывай быстрее, – зычным голосом приказал Мецн, – сам посланник царя царей пожаловал.

Загребели тяжёлые ворота, и мы вместе с караваном переступили за городскую черту.

Царский дворец располагался в живописной роще, где росли высокие кипарисы и лавровые деревья. К дворцу примыкал высокий храм. Я сравнил его с Главным иерусалимским и понял, что последний намного проигрывал по красоте. С той поры и по сей день, все храмы эллинского стиля завораживали меня своим великолепием. Причиной, как я потом догадался, служило их правильное месторасположение. Храм в Иерусалиме, хотя и был самой высокой постройкой города, однако находился в окружении невзрачных городских домов. Храмы же греческого образца сооружались в живописнейших местах и входили в дворцовые комплексы.

Перед высокой колоннадой главного портала нас встретила вереница слуг во главе с дворецким. Последний собрался, было, восторженно поприветствовать нас, однако Мецн опередил его.

– Караван и людей устроишь надлежащим образом, – приказал он. – Этот юноша – гость царя царей. Отведёшь его в самые роскошные покои.

Дворецкий молча кивнул головой.

– Ну, Соломон, прощай, – сказал вдруг Мецн, – благодарю тебя за всё.

– Надеюсь, мы ещё увидимся? – спросил я.

– Боюсь, что нет, – произнёс задумчиво Мецн.

– А Меружан? Он уже прибыл? – забеспокоился я.

– Нет, – мрачно нахмурил брови Мецн и бросил небрежно, – всё, прощай юноша.

Сказав так, он исчез в темноте дворца.

Я остался один в недоумении. Столь странное расставание с человеком, с которым я за короткое время неоднократно разделил испытания судьбы, удивило меня.

– Попрошу тебя следовать за мной, – учтивый голос дворецкого вывел меня из оцепенения.

Мы пошли по длинному коридору среди мраморных колонн, великолепие которых я смог разглядеть даже при тусклом свете лампы. Вскоре дворецкий открыл двери покоев, и мы вошли в просторное помещение. В центре зала нежно журчал фонтанчик. Недалеко от него стоял маленький резной столик с яствами. Справа, вниз по лестнице моему взору представилась чудесная купальня с маленьким бассейном, а слева в глубоком алькове располагалось широкое спальное ложе.

– Не хочешь ли ты принять омовение после долгой дороги? – спросил дворецкий.

– Не откажусь, – ответил я и, начал спускаться к воде, на ходу скидывая пыльную и изрядно износившуюся одежду.

Ступеньки уходили на дно бассейна, и вскоре я погрузился в приятную тёплую воду. Не успел я как следует окунуться, как почувствовал, что рядом очутились две очаровательные купальщицы. Улыбаясь и смеясь, они принялись натирать моё тело рукавицами из грубой шерсти. Вскоре я, посвежевший и будто заново родившийся, вышел из воды, и рабыни накинули на меня мягкое покрывало. Я подошёл к столу с едой, улёгся на софе и с наслаждением вкусил выпечку, сдобренную мёдом и орехами, запивая нежным ароматным вином.

Тёплая вода, вкусная пища и вино сделали своё дело. Меня стало клонить ко сну. Я вошёл в альков, сбросил на мраморный пол влажное покрывало и с наслаждением скользнул в шёлковую постель. За долгие дни путешествия по жаркой пустыне, где нашим ложем был раскалённый песок, о такой постели я мог бы только мечтать. Я почувствовал под головой непривычное мягкое возвышение. В кроватях иудеев оно было на стороне стоп спящего. Здесь – наоборот.

– Будет ли ещё что-нибудь угодно? – спросил учтиво дворецкий, указав взглядом на улыбающихся прелестниц.

– Я очень устал и мечтаю только об одном – вдоволь поспать, – сказал я и с наслаждением вытянулся в прохладной постели.

Дворецкий с рабынями удалились, и вскоре Бог сна Гипнос пронёсся надо мною, оросив маковым соком и погружая в мертвецкий сон.

Ранний солнечный луч ласково разбудил меня. Я открыл глаза и долго не мог понять, где нахожусь. Постель из шёлка, просторное ложе в огромной комнате с высоченными колоннами – всё это было настолько необычно для меня, что почудилось, будто я ещё сплю. Однако постепенно я стал припоминать события прошедших дней и понял, что вся эта радужная картина – явь.

Вдруг я с горечью вспомнил Лию, вспомнил тот страшный крест, и бессильная ярость заклокотала в груди. Я вскочил со спального ложа и гневно замахал колокольчиком, который предусмотрительно оставил дворецкий. Двери покоев распахнулись и две рабыни вошли, неся с собой одежду. Увидев моё рассерженное лицо, они удивлённо переглянулись. Я опомнился и, успокоившись, приказал одеть себя.

Вместо износившихся лохмотьев меня облачили в коричневую опрятную тунику и подпоясали широким кожаным ремнём. На ступни надели добротные сандалии с мягкими кожаными застёжками. После чего я омыл руки и лицо водой, освежённой ароматом роз. Почувствовав лёгкий голод, я подошёл к столику с яствами и принялся есть. Рабыни стояли поодаль и внимательно наблюдали за мной, боясь пропустить какое-либо моё желание. Я жестом пригласил их присоединиться, на что они, улыбаясь, отрицательно покачали головами.

Спустя некоторое время, в покои зашёл дворецкий.

– Тебя хочет видеть повелитель Армении царь царей Тигран Великий, – произнёс он высокопарно.

Я встал и взволнованно последовал за ним. Предстоящая встреча с царём огромной державы смущала мою юношескую душу. Отчего это вдруг он пожелал увидеть меня, человека, который для него ничего не значил? Вероятно, Мецн рассказал обо мне много хорошего и расположил царя. В таких раздумьях я молча шагал за дворецким, переходя из одной роскошной комнаты дворца Селевкидов в другую. Достигнув тронного зала, мы остановились и стали ждать, пока стража распахнёт высокие двери. Наконец, по чьему-то приказу двери открылись, и моему взору представился огромный зал с арочными сводами и мраморными колоннами. Казалось, я вхожу в храм к божеству. Сам царь-бог сидел на высоком ажурном троне, в полукруглой нише, пронизанной со всех сторон солнечными лучами, так что лицо царя было невозможно разглядеть. Всё это было сделано специально, чтобы создать побольше таинственности и помпезности.

Мы вошли, и дворецкий положил руку на мою спину, давая понять, чтобы я пал ниц. Прошло достаточно времени, а мы, упёршись лбами в мраморный пол, всё ещё находились в неудобном положении, и это было неотъемлемой частью придворного этикета.

– Можете встать, – повелел владыка, и его голос эхом отразился от высоких каменных стен.

Мы поднялись, и я начал внимательно всматриваться в царя. Разглядеть его отчётливо я не мог, но голос показался очень знакомым. Царь вдруг встал со своего места и медленно начал спускаться вниз. По мере приближения, ослепляющий эффект солнечного света пропал,

и когда повелитель снизошёл до моего уровня, я смог ясно различить черты его лица. Это был Мецн!

Его коротенькая бородка была начисто выбрита, обнажив белую кожу, которая резко контрастировала с загоревшим под солнцем пустыни лбом. На голове у него была великолепная золотая диадема, а пальцы рук по-прежнему украшали многочисленные разноцветные перстни. От неожиданности я на мгновение растерялся. Мецн подошёл поближе и, лукаво улыбаясь, произнёс:

– Да, Соломон, я царь Армении Тигран Великий. А это значит, что я повелитель Большой и Малой Армении, Киликии, Комагенны, Сирии, Каппадокии, Осроэны, Софены, Мидии, Антропатены, Кордуэны. Я царь всех этих царств. Я тот, кто разорил царство могучих Селевкидов, последователей Александра Великого, и сейчас живу в их дворце, а город Антиохию превратил в свою южную столицу. Ты же по-прежнему можешь звать меня Мецн Тагвор – Великий царь. Именно так обращаются ко мне приближённые, к числу которых с сегодняшнего дня я тебя причисляю. Во время путешествия я должен был скрывать своё истинное имя, хотя, как помнишь, даже это не уберегло бы меня от гибели, если бы не твоё своевременное вмешательство. Боги Олимпа вовремя послали тебя. Стрела, выпущенная из твоего гастропета, спасла мне жизнь. И я это никогда не забуду.

Он хлопнул два раза, и в тронный зал явился человек с маленьким сундучком в руках. Царь достал оттуда тяжёлый мешочек, расписанный золотым вензелем, и передал его мне со словами:

– Здесь сто талантов чистого золота. Возьми их. Отныне ты богатый человек.

Я стоял неподвижно, не в силах что-либо ответить.

– Но это ещё не всё. С сегодняшнего дня я назначаю тебя своим придворным лекарем.

– Благодарю тебя за награду, Мецн Тагвор, – наконец, ответил я, – но как ты можешь назначать лекарем человека, которого ещё не попробовал в деле?

– В том, что ты уже должным образом обучен, я нисколько не сомневаюсь. И к тому же в лекаре, хвала Богам, у меня нет особой нужды. Тут дело в другом. Как говорили в древности: человек проверяется дорогой, любовью и золотом. То, что ты верный попутчик – уже доказано, несчастье в любви тоже познал, ну а золотом мы тебя ещё успеем проверить.

– Ты забыл про власть, мой царь, – сказал я, давая понять, что и мне известно это древнее изречение.

– Власть? – задумчиво повторил Тигран, – власть – это самое трудное испытание для человека, труднее даже, чем золото, ибо тот, кто стал обладателем богатства, безудержно стремиться к власти, и ничто не способно его остановить.

Сказал он искренно, и я понял, что именно это тяготит его душу.

– А что Меружан и остальные? Нет ли каких новостей? – спросил я.

Тигран потупил взор и с грустью произнёс:

– Никаких. И я дорого бы отдал, чтобы узнать, где они.

Мы стояли оба в напряжённом молчании.

– Возьми у казначея столько золота, сколько обещал караванщику, и заплати ему, – приказал царь.

Я склонил голову в знак послушания.

– Скажи ему, чтобы перед отъездом непременно явился ко мне, – добавил царь.

Я уже собирался уходить, но Тигран остановил меня.

– Сегодня ночью будет пир в честь моего возвращения. Я хочу, чтобы ты сидел рядом со мной.

– Слушаюсь мой повелитель, – ответил я уже тоном новоиспечённого царедворца.

Весь последующий день я прогуливался по Антиохии. Построенная в эллинском стиле, она сильно отличалась от Иерусалима. Множество великолепных храмов, посвящённых богам

Олимпа, не могли не радовать глаз. Потомки одного из военачальников Александра Завоевателя, Селевка, постарались на славу. Город был поделен на четыре части, каждая из которых окружена своей крепостной стеной. Отдельно стоял царский дворец вместе с храмом Артемиды, обсаженным целой рощей лавров и кипарисов.

В Антиохию стекались ремесленники и мастера со всей Эллады. Лучшие зодчие возвели храмы Афродиты и Аполлона, а живописцы украсили их стены.

После того, как Тигран сделал Антиохию южной столицей Армении, здесь мало что изменилось. Он не разрушил ни одного дома, не передвинул ни одну стену и даже обстановка во дворце Селевкидов осталась им не тронутой. Всё здесь было сделано с таким мастерством и умением, что не нуждалось в исправлении. Мастеровых, зодчих и художников армянский царь увёл в глубь страны, в свою новую столицу, Тигранакерт, желая воссоздать там великолепные образцы архитектуры и искусства.

Обо всём этом я узнавал постепенно за время моего пребывания в Антиохии. А сейчас я рассказывал по городу, вглядываясь в лица прохожих и присматриваясь к домам.

С сегодняшнего дня я вдруг стал богатым и знатным, и эта мысль никак не укладывалась в моей голове. Разве мог я, парень из простой деревенской семьи, ученик иерусалимского лекаря, даже мечтать о том, что через каких-нибудь полмесяца волею насмешницы-судьбы стану богатым вельможей при дворе царя царей и буду жить в роскошных покоях дворца грозных Селевкидов? Мне даже показалось, что жители города уже узнали об этом и потому кланяются при встрече. Это отнюдь не выглядело маловероятным, ибо свежие известия быстро просачиваются за пределы дворцов, опережая своих героев.

Я проходил мимо кузнечных мастерских и удивлялся, что нигде нет выставленного на продажу готового оружия. Впервые в жизни у меня в кармане соблазнительно звенели золотые монеты, и мне не терпелось попробовать их всесокрушающую силу.

Моё внимание привлекла железная ограда, которую я сумел разглядеть через приоткрытые двери одной мастерской. Я незаметно вошёл туда и принялся внимательно рассматривать это странное изделие. А странным было то, что на ней не было ни одного узора. Одинаково торчащие толстые железные прутья с острыми краями.

– Господин хочет что-то приобрести? – спросил меня подошедший мастер.

Это был пожилой грек с хитрым пытливым взглядом, какие бывают у осторожных людей.

– Нет, нет, – ответил я и поспешил удалиться, ибо не имел никакого желания покупать столь примитивную вещь.

Наконец, устав бродить по жаркому городу, я вернулся обратно в свои покои и проспал там до вечера. Когда совсем стемнело, дворецкий прибыл за мной, и мы направились в трапезную.

За огромным столом разместилось множество незнакомых мне людей. Трапеза только начиналась: блюда с едой были нетронуты.

Здесь я впервые в жизни увидел жареного поросёнка. Чудно было смотреть, как это дикое животное с оттопыренными ушами, зажаренное до манящей ароматной корочки, лежало на длинном подносе. В Иерусалиме увидеть свинью даже вживую было просто невозможно. Баранина – вот основное мясо, которое шло в пищу. Маккавеи строго следили, чтобы эллинская любовь к свинине не привилась в священном для каждого иудея городе.

Я сперва осторожно попробовал неведомое мясо, но затем, почувствовав его нежный вкус, принялся уплетать за обе щеки. Оно мне так понравилось, что, казалось, ничего вкуснее я не ел. Как могли мы, жители Иерусалима, лишать себя такого аппетитного мяса, розового на вид, чрезвычайно нежного и приятного на вкус! Впоследствии я настолько пристрастился к этому блюду, что и дня не мог обойтись без свинины. Особенно мне нравилось её есть в виде копчёностей, в изготовлении которых армяне превзошли даже таких любителей свинины как греки.

Царь сидел в центре, несколько обособленно. Увидев меня, он знаком приказал устроиться рядом, по левую руку. Присутствующие принялись откровенно разглядывать: кто вопросительно, а кто – с неприкрытой завистью.

– Представляю вам своего нового лекаря, – произнёс царь, положив левую руку мне на плечо, – зовут его – Соломон по кличке Бахтеци.

Услышав это, я вопросительно посмотрел на царя, а во взглядах присутствующих засветилась недобрая зависть.

– Это тот самый Соломон, который прибыл с тобой из Иерусалима? Не то араб, не то иудей? – послышался звонкий насмешливый голос, – тогда откуда у него армянская кличка?

Я увидел человека, разодетого в разноцветную тунику, сзади которой был прицеплен собачий хвост. У него была большая голова со взъерошенными волосами и кривые ноги. Глаза были размазаны сурьмой, что в сочетании с его огромным орлиным носом придавало лицу комичное выражение.

– Не каждому выпадает счастье иметь собачью кличку – Шанпоч, – ответил царь и расхохотался, – а ну докажи, что ты честно заслужил это имя.

Шут запрыгал на четвереньках и залаял, как настоящая псина. Хохот царя смешался со смехом присутствующих.

Шут подбежал ко мне и, по-собачьи скуля, сказал:

– О, достойный Соломон Бахтеци! Предскажи собачье счастье. В какой пустыне судьба мне подарит красивую сучку?

Хохот в трапезной усилился, и царь по-прежнему смеялся громче всех.

Из сказанного я понял, что шут был до мелочей посвящён во все подробности нашего путешествия. Я знал, что шуты многих правителей пользуются большим доверием, и этот тоже не составлял исключения.

– Не твоё собачье дело, – сказал, не то серьёзно, не то шуточно, царь, – сунь свой хвост между ног и укороти язык.

Шут всем на потеху поступил именно так.

– Что-то не получается, – ответил он и высунул язык, – то ли хвост у меня дурной, то ли язык хвоста не слушается.

Присутствующие опять разразились хохотом.

Шут подбежал ко мне и принялся разглядывать почти в упор с глупой щербатой улыбкой. Не выдержав его взгляда, я отвернулся.

– Я знаю, почему ты стесняешься, – произнёс Шанпоч громко, – тебе наш царь собственноручно сделал обрезание.

Сказав это, он начал деланно-громко смеяться, а за ним загоготали остальные. Шут вытащил кончик хвоста между ног и жестом изобразил момент обрезания. От этого хохот ещё более усилился, я же почувствовал себя неловко.

– Ну, ты, пёс щербатый! Небось, завидуешь? У тебя у самого уже обрезать нечего? – парировал за меня царь.

– Ой, ты прав, повелитель, и в правду, нечего, – шут решил подыграть царю и ухватился за низ живота.

Все уже достаточно выпили, и потому непристойные шутки Шанпоча вызвали бурный восторг. Виночерпии без устали подливали вина, и гости быстро опорожняли кубки. Я пил наравне со всеми и вскоре захмелел.

– Где ты был сегодня днём? – поинтересовался Мецн.

– Разгуливал по городу.

– Ну и как? Понравилось?

– Да, мой царь. Я впервые увидел великолепные храмы Богов Олимпа.

– Много Богов? Хорошо это или плохо? Например, в вашем городе один главный храм и на всех один Бог, – задумчиво произнёс Тигран.

– А я думаю – это даже лучше, когда есть выбор, – философски заметил я.

– Не уверен, – задумчиво сказал царь, – народу вредно выбирать. Он должен поклоняться тому, на кого укажет правитель.

Я понял, что мы опять начинаем дискуссию теологического свойства, но тут царь сам поменял тему разговора:

– Что ты ещё успел увидеть в этом городе?

– Очень странную ограду. Такую безвкусицу не делают в Иерусалиме. Без единого узора, с толстыми железными прутьями, заостренными на конце.

– Ты слышал, Шанпоч? – с тревогой произнёс царь.

– Уж не глухой, – ответил шут, который, вдруг, откуда-то очутился рядом с нами, – пускай новый лекарь сегодня ночью укажет нам эту мастерскую.

Я с недоумением посмотрел на них.

– Веселись, Соломон Бахтеци. Сегодня твой день, – с громким хохотом произнёс шут.

В трапезную вошли музыканты, и заиграла приятная музыка. Вслед за ними бесшумно проскользнули изящные танцоры и танцовщицы. Они закружились на мраморном полу, и их полупрозрачные одежды взвились, обнажая стройные тела. Царедворцы, с восторгом разглядывали танцующих, затем подходили и приглашали к столу. Вниманию удостаивались не только особы женского пола. Я заметил, что молодые танцоры пользовались у придворной публики большим спросом, нежели танцовщицы.

В этой обстановке веселья пир продолжался до глубокой ночи и прекратился лишь тогда, когда царь в компании нескольких прелестниц направился в свои покои. После этого остальные тоже удалились.

То ли от большого количества выпитого вина, не то ли от близости прелестниц, почивавших со мной на ложе, но спал я беспокойно. Перед глазами стоял образ Лии. Она была ещё жива и тихим голосом молила меня о помощи. Я бросился к ней, но тут почувствовал, что меня самого распинают, и вскоре я, пригвождённый по рукам и ногам, висел на кресте рядом с Лией.

– Вставай, господин лекарь, – прервал мой кошмарный сон зычный голос дворецкого.

Я с трудом приподнял тяжёлые веки. Было ещё темно, и я недовольно поморщился. Вблизи меня белели тела красавиц-гетер.

– Тебя дожидается царский шут, – сказал дворецкий.

Вскоре я, полусонный, шагал по длинному дворцовому коридору. Во дворе при свете факелов я разглядел небольшой вооружённый отряд. Их предводитель выдвинулся вперёд, и я услышал знакомый циничный голос:

– Доброе утро, господин придворный лекарь. Надеюсь, мы не очень тебя потревожили, прервав сладкий сон посреди ночи.

Я пригляделся и узнал Шанпоча. От прежнего шута не осталось и следа. Передо мною стоял коренастый лихой воин.

– Не удивляйся, Соломон, – произнёс он, подойдя ко мне вплотную, – у меня тоже есть второе имя. Мои солдаты называют меня Вреж. Вреж – означает "месть". Мечь всем тем, кто мешает царю благополучно править Великой Арменией. Пошли, покажешь нам ту мастерскую.

Я немного замешкался, и Шанпоч Вреж, уловив мою неуверенность, спросил:

– Думаешь, не найдёшь? Пошли мы поможем.

– Найду, конечно, – ответил я, – но разве стоит из-за одного неумелого мастера подымать целый вооружённый отряд?

Вреж пристально посмотрел мне в глаза. Это был уже взгляд не придурка-шута. На меня смотрел воин.

– Ты сегодня случайно набрёл на логово врага. Увиденная тобой примитивная ограда – это не что иное как готовые к бою копья. Идём.

Мы зашагали по безлюдному ночному городу. Вдали на Востоке едва забрезжили первые лучи солнца. До рассвета оставалось совсем немного.

– Почему ты решил, что этот безобидный мастер – враг?

– Слушай меня внимательно, Соломон, – сказал Вреж, – когда мы взяли этот город, царь Тигран приказал всем оружейникам работать только для нужд армянской армии. Тут много хороших мастеров, предки которых переселились в Антиохию еще при Александре Великом. Но после очередного бунта царю пришлось внести запрет на эту деятельность.

– Какого бунта?

– Население Антиохии – это греки, поклоняющиеся Богам Олимпа. Мы стали заселять город армянами из Восточных провинций. У одних свои Боги, обычаи, традиции, праздники. У других – свои. Начались стычки между местным населением и приезжими, которые затем переросли в вооружённый бунт греков. Нам силой удалось его подавить. После этого царь запретил изготовление оружия в Антиохии. Местное население затаило обиду на армян. Этим не преминули воспользоваться римляне. Их многочисленные лазутчики начали подготавливать почву для вторжения с целью отвоевать у нас Киликию вместе с Антиохией.

– Я гулял сегодня по городу и не заметил ничего подозрительного. Народ с почтением смотрел на меня.

– Днём они все покорные. А по ночам готовятся к приходу новых хозяев, заготавливают впрок вооружение. Как долго мы сможем силой удерживать город – не представляю.

– Очевидно, что политика царя по насильственному заселению не привела ни к чему хорошему, – сказал я.

– У царя есть грандиозная идея объединить все народы страны, подчинить одной власти, сделать всех единоверцами. Вот и начал он перемещать население с Запада на Восток и наоборот. Пока это не приносит желаемого результата. Армяне никак не приживаются на завоеванных территориях. А на исконно армянские земли с трудом удаётся заселить иноземцев.

Тем временем мы вышли на улицу, где днём трудились железных дел мастера.

– Вот это место, – сказал я, узнав дверь мастерской.

– Отлично, – произнёс Вреж, – ломайте двери. Мы возьмём их совсем тёпленькими.

Солдаты принялись выполнять приказ, и в это время возле моего уха раздался свист. Стоявший рядом со мной воин со стрелой в горле замертво свалился на землю.

– Все в круг! – закричал Вреж, и отряд, прикрывшись щитами, принял круговую оборону.

Находясь в центре круга, я оказался практически недосыгаем для стрел, летящих в нашу сторону. Первые лучи солнца осветили противника, засевшего на крыше мастерской. Сквозь тела воинов я увидел две шеренги лучников, по очереди стрелявших в нас. Вооружённые для ближнего уличного боя солдаты ничем не мог им противопоставить. Улица была широкой, хорошо простреливалась, и негде было укрыться. Круглые щиты не могли полноценно защищать нас, и потому время от времени кто-то падал, сражённый стрелой.

– Ломайте быстро дверь, – закричал в отчаянии Вреж, поняв, что мы сможем укрыться только за стенами мастерской.

Ценой огромных усилий и потерь нам удалось, наконец, сломать засов и отряд ворвался в спасительное помещение. Едва успев оправиться, солдаты принялись разбирать потолок. Сделанный из деревянных брусьев и соломы, он легко уступил под ударами мечей, и скоро на крыше образовался большой лаз. Солдаты стали подниматься вверх, и теперь стрелявшие из лука оказались в критическом положении. В ближнем бою их оружие было непригодно, и после непродолжительной стычки с ними было покончено. Вреж спустился вниз, волоча за собой того самого мастера, с которым я встречался днём.

– Это тот самый? – спросил он меня.

– Тот самый, – ответил я.

Вреж схватил его за волосы и хотел, было, перерезать горло, но я вовремя остановил его.

– Погоди-ка, Вреж. Скажи мне, мастер, кто из римлян подговорил напасть на нас?

Мастер молчал от страха.

– А ну говори, если жизнь дорога! – закричал Вреж и опять замахнулся мечом.

– Не убивай меня! Я всё скажу!

– Говори. Этот римлянин был без глаза?

– Да, да. Он обещал хорошее вознаграждение за твою голову.

– Мою голову? – воскликнул я

– Где он сейчас? – крикнул Вреж.

– Не знаю. Клянусь Богами, не знаю. Не убивайте меня! Не убивайте.

Кровь с силой брызнула, окрасив всё вокруг. Вреж с отвращением кинул на землю ещё корчившееся в предсмертной агонии тело мастера.

– Из-за него я потерял троих солдат, – произнёс он гневно. – Ты напрасно поверил ему, Соломон. Крикс тут не при чём. Эти скоты сами решили устроить нам ловушку. Я их давно высматриваю.

– Нет, Вреж. Этот Крикс идёт за мной по пятам. Сначала он убил мою девушку, а теперь хочет расправиться со мной.

– Но зачем? С какой целью?

Я думаю, он из тех, кто не любит оставлять неоконченных дел. А я для него – вечный укор за неудавшееся покушение на царя. Пока не убьёт, не успокоится.

– Пока ты среди нас, у него руки короткие, – уверенно сказал царский шут.

Карательные вылазки отряда Врежа повторялись почти еженочно, но, к счастью, я уже в них не участвовал. Царь Тигран после той ночи запретил мне покидать пределы дворца. Атмосфера в городе накалилась до предела, и было ясно, что дальнейшее наше пребывание в Антиохии становилось небезопасным. Но царь, похоже, не собирался никуда выезжать. Он, как обычно, просыпался не раньше полудня, принимал гонцов из Тигранакерта, сборщиков податей, наместников и *зоранетов* из различных провинций и подвассальных стран, а по ночам всё начиналось по новой. Обильное застолье, пошлые шуточки Шанпоча, вино рекой, танцы и ласки обнаженных гетер, – всё это повторялись изо дня в день.

Вскоре я стал замечать не проходящую грусть в глазах у Тиграна. Прошло полмесяца после нашего возвращения, а Меружана всё не было. Это настолько тяготило царя, что его стал раздражать даже любимый шут.

Шанпоч был единственным человеком во дворце, который мог беспрепятственно входить в покои любого придворного, не исключая самого царя. Ему не возбранялось зайти ночью в альков, даже в самый неподходящий момент. Я думаю, что это преследовало определённую цель, ибо тем самым шут держал всех в поле зрения и был прекрасным осведомителем своего хозяина. Все возмущались и ненавидели шута-соглядатая, но поделать ничего не могли.

В ту ночь царь был особенно мрачен. Никакие сальные шуточки Шанпоча не смогли вызвать даже улыбки. Он пил и всё более мрачнел.

– У тебя сегодня такой вид, повелитель, будто ты во сне видел дохлую кошку, – сказал шут и улёгся на полу, изображая сказанное.

Все стали громко хохотать. Все, кроме царя.

– Я бы предпочёл увидеть дохлым тебя, пёс щербатый, – еле процедил сквозь зубы царь.

– А можешь показать, какой я буду, когда околею? – спросил шут и тут же ответил, – ну конечно не сможешь. Мёртвые не подражают дохлым.

Шанпоч громко засмеялся, и придворные дружно поддержали его, искоса поглядывая на царя. Тот не повёл и бровью, хотя обычно подхватывал шуточки потешника.

– А хочешь, я покажу, какой ты будешь мёртвым? – воскликнул шут.

Не дожидаясь ответа, он подбежал к царю и протянул руку к его диадеме.

Я понял, что Шанпоч предпринял отчаянную попытку вывести царя из ужасной хандры, ибо посмел замахнуться на священный атрибут власти.

– А ну пошёл прочь, собачий шут, – начал гневиться царь, отбрасывая руку потешника.

– Ну, если я шут собачий, то ты есть та самая собака шута, – остроумно ответил Шанпоч и бешено загоготал, указывая на царя пальцем.

На сей раз присутствующие не очень его поддержали, ибо уже со страхом поглядывали на мрачного Тиграна.

– Я знаю, как тебя рассмешить, мой повелитель, – произнёс шут и хлопнул себя по лбу.

Он вышел из трапезной и вернулся, держа в руках большую амфору.

– Угадай, что здесь находится? – спросил он с наглой улыбкой.

Царь равнодушно пожал плечами.

– Ну, как знаешь, – протянул шут, – а теперь смотри сюда.

Сказав это, он запустил руку в амфору и достал оттуда окровавленную голову. Присутствующие в ужасе ахнули. Шут повернул голову лицом к царю, и все узнали в ней Меружана. Тигран вскочил со своего места и воскликнул страшным голосом:

– Не может этого быть!

– А почему бы и нет? Все мы смертны под солнцем, – сказал философски шут.

Тигран подался вперёд, но Шанпоч опередил его:

– Не стоит беспокоиться, мой повелитель. Голова сама к тебе прикатится, – сказав это, наглый шут положил голову на пол и толкнул её ногой в сторону царя.

Голова мягко подкатилась к ногам Тиграна, и только тут стало видно, что это была искусно изготовленная тряпичная кукла, аккуратно обмазанная воском.

Шанпоч торжествующе захохотал.

– Да как ты смеешь так издеваться надо мной! – гневно воскликнул царь.

Лицо его было страшно бледным, глаза налились кровью, он опять прикусил щёки изнутри – верный признак гнева. Всем казалось, что шутка с мёртвой головой Меружана продолжается, и лишь я сообразил, что сейчас произойдёт непоправимое.

– Ах ты, сучий выродок, – заорал царь и, набросившись на шута, принялся его душить.

Напрасно бедный Шанпоч вырывался из его железных рук. Тигран душил своего любимого шута по-настоящему. Глаза Врежа полезли на лоб, и он издал хриплые звуки.

– Оставь его, мой повелитель. Этот собачий хвост недостоин твоего гнева.

В дверях стоял сам Меружан! Царь разжал пальцы. Не веря своим глазам, он удивлённо уставился на внезапно появившегося советника. В следующее мгновение они обнялись.

– Хвала Богам, ты живой! – почти в слезах проговорил Тигран, прижимая к груди Меружана.

Тем временем, оправившись, шут встал на ноги и, потирая шею, произнёс:

– Опоздай ты немного, точно не застал бы меня в живых.

– Так значит, вы это всё подстроили? – радостно воскликнул царь.

– Ну конечно. Шанпоч решил тебя разыграть. Ты же любитель подобных шуток? – оправдывался Меружан.

В следующее мгновение Тигран разразился страшным хохотом, и все придворные с облегчением вздохнули.

– Ну, шут собачий, здорово ты меня разыграл! – восхищённо произнёс Тигран, давась от смеха.

Шанпоч ничего не ответил и продолжал обиженно молчать.

– Ну, Шанпоч, я же не по настоящему душил тебя. Это была шутка, – слукавил царь.

Но на сей раз шут, и в правду, обиделся.

Тиграну совсем не хотелось ссориться со своим любимцем в столь радостный для него день, и потому он произнёс примирительно:

– Ладно, проси чего хочешь, только не дуйся.

Услышав это, Шанпоч воспрянул духом и протянул открытую ладонь.

– Обида шута должна быть выкуплена, – произнёс он торжественно и посмотрел в глаза царю.

Тот хлопнул два раза, и в трапезную явился казначей. Царь взял один мешочек и протянул шуту.

– Сколько здесь? – спросил Шанпоч с преувеличенной деловитостью.

– Десять талантов, – ответил казначей.

– Разве так дешево стоит моя жизнь?

– Не будь меня, твоя жизнь не стоила бы и гроша, – иронично заметил царь, – ладно, добавь ещё десять и пускай исчезнет.

– За двадцать талантов нельзя успокоить даже кошку во время течки, – продолжал набивать цену шут.

Но царь уже не слышал его, ибо всё внимание было приковано к Меружану.

– Ну, давай рассказывай всё по порядку, – приказал царь, – где Аждахак и остальные?

Меружан грустно опустил взгляд.

– Как! Неужели римляне всех перебили? – спросил в ужасе царь.

– К несчастью, да, – ответил Меружан, – хвала Богам, что мы уговорили тебя уйти. Римляне взяли нас в плотное кольцо. Я был ранен в самом начале и пролежал без сознания всё время, пока шёл бой... Когда очнулся, вокруг лежали одни трупы. А потом я с трудом добрался до Тира.

Царь схватил руками голову. Было видно, как горька для него утрата.

– Мне надо было остаться с вами! – произнёс он с горечью.

– Тогда у Армении не было бы царя, – резонно ответил Меружан.

– А ты знаешь, что я чуть не погиб в пустыне! – воскликнул Тигран.

– Пустыня – это не римский меч. В пустыне есть караваны, и один из них спас тебя. Мне уже всё известно.

– Да? От кого же? – удивился царь и вопросительно посмотрел в мою сторону.

– Ну, от кого же ещё? Конечно, от твоего болтуна-шута. Ну, что ты, Мецн, всё о плохом. Забудь невзгоды. Мы снова вместе. Давай радоваться, – сказал Меружан.

– Ну конечно, – опомнился царь, – Богам было угодно вновь свести нас, а это самое главное. Давай, садись рядом со мной. Ешь, пей. А потом я покажу тебе кое-что.

Меружан принялся за трапезу, а Тигран жестом позвал дворецкого и что-то приказал.

В трапезную вошла девушка с огненно-рыжими волосами. Приглядевшись, я с трудом узнал в ней ту шупленькую рабыню, которую царь нашёл в оазисе. От её бывлой невзрачности не осталось и следа. Кожа была тщательно ухожена. Неприметные голубые глазки, мастерски подведенные сурьмой, выглядели выразительно и объёмно, а необычно острый нос – привлекательно. Одета она была в прозрачную лёгкую тунику, едва прикрывающую гибкое тело. Упругие груди и выпуклый лобок просвечивали и выглядели очень соблазнительно. Но главным достоинством, несомненно, были её волосы. Огненно-рыжие и пышные они доходили до пояса. Я поймал полный восторга взгляд царя. Он жадно смотрел на Грацию, не отрывая глаз от её стройного девичьего тела. Она, уловив его взгляд, устремилась к нему. Царь шепнул ей что-то на ухо. Заиграла приятная музыка, и Грация принялась медленно кружиться. Огненные волосы взвились, босые ноги легко понеслись по мраморному полу.

– Где ты её нашёл? – спросил восторженно Меружан.

– В оазисе, – невозмутимо ответил царь и добавил, – она моя новая гетера. Хороша, правда? Будто кусок огня.

– Великолепна! – восторженно ответил Меружан и тихонько спросил меня, – откуда она?

– Из далёкого севера, – ответил я, – там, в оазисе, она выглядела такой неприметной, а сейчас от неё невозможно оторвать глаз.

– Здесь, в храме Афродиты искусные жрицы из любой страхолюдины сделают настоящую красавицу, – сказал осведомлённо Меружан, – и потом женщина, как цветок – любит уход и внимание, особенно когда оно исходит от царя царей.

– Я не могу понять, отчего наш царь так откровенно выставил её напоказ? – удивился я.

– Такой у него характер. Любит показуху во всём. Мол, смотрите, какое счастье у меня в руках. А ты заметил, что придворные в Антиохии – большие охотники до красивых юношей и остались равнодушны к новой царской забаве?

– Ты прав, Меружан. Я это заметил.

– Ну, ещё бы, это же дворец Селевка. А он во всём подражал своему кумиру Александру-Завоевателю. Потешаться с красивыми юношами здесь в почёте, и эту давнюю традицию отсюда невозможно искоренить. Ещё отец Александра, непобедимый Филипп Македонский держал в своём войске отряд влюблённых друг в друга воинов, и они всегда яростно сражались бок о бок, до последнего.

Тут я стал замечать, что сам Меружан тоже недвусмысленно приглядывается к юнцам. Поймав мой удивлённый взгляд, он произнёс:

– Не осуждай то, Соломон, чего не познал на собственном теле.

Я решил сменить эту необычную для меня тему и сказал:

– Послушай, Меружан. Я всё хочу тебе рассказать...

– Шанпоч поведал мне про ваш ночной поединок, – как всегда, опередил мысли собеседника Меружан, – мне тоже кажется, что тут не обошлось без Крикса. Умело расставить сети и вовремя ускользнуть – это его почерк.

Меружан замолк и пристально посмотрел на меня.

– Ну как, Соломон? Уже привыкаешь к дворцовой жизни? Я узнал, что царь тебе дал второе имя. Оно означает – приносящий счастье. Соломон Бахтеци! Звучит впечатляюще! Поздравляю!

– Ты знаешь, Меружан, за короткий срок со мной произошло столько событий, что я едва их успеваю переваривать, – ответил я со вздохом.

– Ну, если судьба так щедра к тебе, не стоит на неё обижаться. Держи её крепко в руках, – произнёс Меружан и добавил, – шут этот собачий тебя не очень достаёт?

– Нет, вообще-то.

– Тогда всё в порядке. Знай, Шанпоч здесь не просто шут. Он – глаза и уши царя, – тихо произнёс Меружан.

– Это я уже понял, – ответил я.

Мы вдвоём подошли к царю, который, полулежа, ворковал с Грацией.

– Я тоже не пришёл с пустыми руками, Мецн, – обратился к нему Меружан.

– Да? И что же ты принёс? – спросил царь, продолжая восхищаться своей новой фавориткой.

– Не что, а кого, – поправил Меружан.

– Ну и кого же?

– Римского центуриона.

– Центуриона? Где же ты его нашёл?

– А в том же Тире. Там сейчас кого хочешь сыщешь.

– А ну, рассказывай, – заинтересовался царь.

– Его отчислили из легиона из-за плохого зрения. Дальше десяти шагов ничего не видит. Некоторое время ему удавалось это скрывать, но, в конце концов, вышестоящие догадались, и он был изгнан из армии. Сам он, кроме как воевать, больше ничего не умеет. Вот и остался

без средств к существованию. Я его случайно встретил, когда он побирался возле портового трактира среди прочего обездоленного люда.

– А может, он римский лазутчик? – засомневался царь.

– Не думаю. Больно всё натурально выглядело. Мой нюх меня не подводит, – произнёс самодовольно Меружан.

– Ну, смотри у меня. А то, знаешь, как говорят в народе, – хитрая лиса четырьмя лапами в капкан попадает.

– Ладно-ладно, лиса, – засмеялся Меружан, – вели ему зайти сюда.

– Пусть заходит, – приказал царь.

В трапезной появился ладно сложенный голубоглазый мужчина лет тридцати с правильными чертами лица. Его выющиеся светлые волосы были аккуратно подстрижены, а лицо – гладко выбрито. Он выглядел несколько взволнованным и без конца шурил глаза.

– Как зовут тебя? – спросил царь.

– Юлиан, – ответил тот.

– А кличка есть? – осведомился Тигран, зная, что римляне, помимо основного имени, ещё имеют прозвища.

– Есть – Петроний.

– Откуда ты родом?

– Из Далмации.

– Это там, где добывают отменный мрамор?

– Ты прав, повелитель.

– Ответь мне, Юлиан Петроний, в каком ранге ты служил в римской армии?

– Я был центурионом второго копы в третьей когорте седьмого легиона, – ответил римлянин.

Судя по довольному выражению царя, я понял, что Мецна удовлетворил ответ, однако он вновь спросил более серьёзным тоном:

– А теперь ответь мне, Юлиан, только честно! Почему ты пошёл служить к нам? То, что тебя выгнали из армии – это я уже слышал. Но ты мог вернуться в Рим и попробовать себя на мирном поприще.

– В Риме никто не ждёт меня. Я одинок. Легионерам запрещено создавать семьи. Умею я только одно – воевать. Война – моя стихия. Обучаться в мои годы мирному ремеслу нет ни желания, ни возможности.

– Я слышу в твоих словах затаённую обиду. Думаю, ты перешёл на нашу сторону, желая отомстить своим прежним хозяевам. Так знай же, месть и обида – плохие советчики. Такому человеку я никогда не буду доверять.

– Ты прав, повелитель. Обида есть, но не она руководит мною, а любовь к военному искусству. В нём – моё призвание. Лишить меня оружия – значит лишить жизни, и посему очень прошу принять к себе на службу.

Последние слова, по-видимому, тронули царя царей, и недоверчивое выражение его лица несколько смягчилось.

– Я не против, но ущербность твоего зрения – большая помеха для несения военной службы в любой армии будь то римская или армянская.

– Это всё правильно, Мецн, – вмешался в разговор Меружан, – но мы собираемся использовать Юлиана в качестве военного стратега и наставника.

– У нас достаточно хороших стратегов, – возразил царь, – и потом, если он такой знающий специалист, почему его не оставили в римской армии?

– Позволь мне ответить на этот вопрос, повелитель, – сказал Юлиан, – не думаю, что в вашей армии, созданной по эллинскому образцу, найдутся знатоки римской военной стратегии.

В Риме же достаточно своих специалистов, и какой-нибудь отставной центурион с ущербным зрением им абсолютно не нужен.

– А есть ли разница между армией Рима и нашей? – спросил, заинтересовавшись, царь.

– Да, повелитель, разница существенная и отнюдь не в вашу пользу.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что моя армия, которая покорила все страны от Антиохии до берегов Каспия, слабее легионов Рима?

– К сожалению, это так. Римская военная мощь непобедима, ибо её структура уникальна и совершенствуется без конца. Твоя армия побеждала потому, что до сих пор не встретила сильного противника, каким является Рим.

Тигран призадумался.

– Мецн! – вмешался Меружан, – чтобы успешно воевать, надо хорошо изучить сильные и слабые стороны врага.

Царь продолжал молчать. Затем внимательно посмотрел на Юлиана и спросил:

– Расскажи, чем отличается наша армия от римской?

– Ну, во-первых, армия Рима – постоянно действующая и профессиональная. Получая солидное жалование, легионер в состоянии приобрести хорошее вооружение и амуницию. Твоя же армия набирается на время похода из мирных жителей и вооружена кое-как. Во-вторых, помимо достойной оплаты в мирное время, легионеры, в зависимости от чина, получают долю при дележе военных трофеев. У вас же добыча делится по усмотрению царя и удельных князей и может вообще не достаться простому воину. Ну и, в-третьих, разный стратегический подход при ведении боевых действий. Это слишком большая тема для одного разговора.

– Хорошо, – согласился царь, – тогда объясни мне, откуда вам так хорошо известно о структуре нашей армии?

– Рим отлично осведомлён обо всём. Лазутчики доносят сведения исправно, и это тоже одно из преимуществ. Я даже видел подробную карту Понтийского царства и всей Армении, от Антиохии до Каспия, с обозначением важных стратегических пунктов.

– Не может быть! – воскликнул Тигран и приподнялся со своего места.

– Я могу начертить карту по памяти, – ответил уверенно Юлиан.

– А ну, принесите сюда пергамент и чернила, – приказал царь.

Вскоре перед бывшим центурионом лежал чистый кусок обработанной козлиной кожи. Юлиан начал чертить и когда закончил, мы принялись рассматривать. На карте были ясно обозначены границы Понтийского и Армянского царств, названия крепостей с указанием численности гарнизонов, основные дороги и горные перевалы. Путь от Антиохии через Эдессу в Тигранакерт и Арташат, был прочерчен одной жирной линией как основной тракт.

Увидев это, царь воскликнул возмущённо:

– Пока мы тут пируем, Рим основательно готовится к войне. Остаётся гадать, каким образом его лазутчики собрали столь подробные сведения? Ведь даже мне не всегда известно о количестве солдат в гарнизонах.

Последние слова были обращены к Меружану.

– Я не думаю, что Рим собирается с нами воевать, – ответил тот несколько растерянно.

– Тогда зачем им понадобилось собрать столь точные данные? – спросил царь.

– Рим собирает подобные сведения обо всех соседях, – ответил за Меружана Юлиан, – уж тем более о тех, кто непосредственно угрожает его безопасности.

– Уж не мы ли эти – потенциальные враги Рима? – настороженно спросил царь.

– Нет, повелитель. Ты могучий и богатейший царь Азии, покоритель народов Междуречья являешься сильным, но не опасным соседом Рима, и в его планы не входит завоевание Армении. Риму нужно восточное побережье Средиземного моря.

– Ты имеешь в виду, забрать у нас Киликию? – спросил Меружан.

– Не только.

- Что же ещё? – с тревогой спросил царь.
- Юлиан молчал, косо поглядывая на нас.
- Говори, чего ты молчишь? – приказал Тигран.
- Город, в котором мы сейчас находимся, повелитель.
- Антиохию? Нашу южную столицу?
- Именно.
- И когда это произойдёт? – со злой иронией спросил Тигран.
- Позволь заметить, повелитель, это уже происходит.
- Что ты имеешь в виду?
- Подожди, подожди Юлиан, – вмешался за своего подопечного Меружан, – не делай таких несерьёзных заявлений. Скажи нам, какое царство наиболее опасно для Рима?
- Да! Назови его! – отвлёкся на другую тему Тигран.
- Понт с его царём Митридатом Евпатором. Если ты обратил внимание, повелитель, на карте это царство отображено наиболее подробно.
- Ну, ещё бы. Рим уже который год ведёт безуспешную войну против моего тестя Митридата.
- Да, ты прав, повелитель. Но после побед на Иберийском полуострове сенат направил в Понтийское царство ещё три легиона во главе с полководцем Луцием Лукуллом. Ему поручено поймать и пленить царя Понта.
- Поймать Митридата? – удивился Тигран.
- В следующее мгновение на его лице засияла улыбка, и он разразился страшным хохотом.
- Поймать ты говоришь? – повторил он, давясь от смеха, – будто он какой-нибудь хилый петух, а не всесильный царь.
- Остальные придворные дружно подхватили царское веселье, не совсем понимая причину. Царь вдруг резко оборвал смех, и лицо его приняло серьёзное выражение.
- Запомните мои слова. Пленить или убить Митридата не смогут даже Боги Олимпа, – произнёс он зловещим голосом.
- Придворные смущённо замолкли, и лишь на лице у Юлиана появилась тень иронии.
- Назначишь этого человека наставником в моей армии и выдашь приличное жалование, – приказал царь Меружану, – он мне скоро понадобится.

На следующий день Мецн объявил о своём намерении вернуться в Тигранакерт. Все восприняли это известие с большим облегчением, особенно я. Признаться, мне надоела однообразная жизнь в Антиохии, и потому я сразу воспрянул духом, когда узнал, что мы направляемся в столицу Армении, город Тигранакерт – гордость царя царей, его детище.

Перед отъездом царь велел позвать караванщика, спасшего нам жизнь в пустыне. Всё это время он находился в Антиохии и ждал моих указаний. Мне почему-то казалось, что Тигран забудет про запланированную встречу, и мы уедем, не повидав этого араба, но я ошибся. Царь хоть и был в преклонном возрасте, однако памяти его мог позавидовать любой юноша.

Принял нас Тигран не в тронном зале, где посетитель волей-неволей начинал трепетать перед ним, словно перед Богом, а в личных апартаментах, где беседа могла проходить менее помпезно. Этим он хотел ещё раз подчеркнуть свою безмерную благодарность человеку, избавившему его от неминуемой гибели. Царь сидел в огромном изготовленном из тёмных пород дерева кресле, спинка и сиденье которого были расшиты золотыми нитками. В руке он держал толстый посох с символами армянского самодержавия. Кроме меня присутствовали также Меружан и Шанпоч Вреж.

- Доволен ли ты тем, что свернул со своего пути и очутился в Антиохии? – спросил царь.
- Вполне, мой повелитель.

Царь встал с трона и принялся расхаживать широкими шагами.

– Слышал ли ты про города Эдессу и Тигранакерт? – спросил царь.

– Нет, узнаю впервые, – ответил караванщик.

– Как твоё имя?

– Зовут меня Малх.

– Слушай меня внимательно, Малх. Передай своим шейхам, что я, царь Великой Армении, позволяю им расселиться вдоль южной границы. Вы будете направлять караваны, следующие с Востока на Запад, в Эдессу и Тигранакерт. Соломон тебе выдаст подробную карту маршрута. Его я назначаю вашим куратором. А теперь, прощай.

– Да живёшь ты вечно, мудрый царь, – ответил восторженно араб-караванщик и ушёл.

– Если я правильно тебя понял, ты отдаёшь контроль над торговыми путями в руки арабских племён? – вмешался Вреж.

– Если он действительно меня понял, скоро Тигранакерт и Эдесса превратятся в крупные центры торговли между Востоком и Западом, – произнёс царь после минуты раздумья.

– Он понял верно, мой повелитель – ответил Меружан, – и сегодня ты принял великое решение. Когда арабские племена расселятся вдоль границ, наш южный рубеж окажется в надёжных руках. Арабы-кочевники, подобно верным псам, будут его надёжно охранять, а проходящим караванам ничего не останется как заезжать в нашу столицу.

Тигран посмотрел на моё задумчивое лицо и спросил:

– А что скажет мой придворный лекарь, который с сегодняшнего дня курирует своих соплеменников? Мне кажется, он придерживается иного мнения.

– Я знаю одно, мой повелитель. Арабы – племя лихое и непредсказуемое. Единожды допустив их на какую-либо территорию, уже никогда не сможешь выдворить обратно.

– Отлично, – сказал царь, – я их расселю на бывших ассирийских землях, под носом у парфян. Мне давно хотелось им досадить. Пусть арабы там умножаются и процветают. Мне это только на руку.

– Арабами трудно управлять, мой повелитель, – продолжал возражать я.

– Управлять любым народом – штука сложная. Им надо будет внушить веру в наших Богов.

– Это невозможно, мой царь. Они очень независимы и не примут чужих Богов.

– Тогда этому народу нужен свой пророк. Наступит время, и они его получают, – произнёс многозначительно царь.

– Уж не ты ли вознамерился дать диким племенам пророка? – спросил Меружан с сомнением.

– Почему бы и нет? – уверенно ответил Мецн, – если Боги позволят мне дожить до этого времени, я непременно воспользуюсь такой возможностью.

– А если нет? – продолжал язвить Меружан.

Последние слова, как ни странно, не возмутили царя. Он задумчиво помолчал, а затем отчеканил:

– Народ, какой он бы ни был, если есть в этом потребность, сам сотворит себе пророка.

Сказав так, он окинул нас долгим взглядом, как это делает умудрённый учитель, всматриваясь в лица желторотых учеников.

– Запомните мои слова!

С первыми лучами солнца наш небольшой отряд покинул Антиохию и направился на Восток, в сторону Тигранакерта.

Когда мы выехали за пределы города, Меружан обернулся назад и со вздохом произнёс:

– У меня такое предчувствие, что мы сюда уже никогда не вернёмся.

– Твоё предчувствие тебя не обманывает, – ответил Шанпоч Вреж, – этот город как был нам чужд, так и остался.

– А мы его и не завоёвывали, – вмешался в беседу царь, – да, наша армия вошла туда, мы вселились во дворец Селевкидов, но армянской Антиохия так и не стала. Знаете, почему? Наш народ не смог с местными разделить хлеб-соль. Права поговорка: обиженный хлебом меча не боится.

– Они ждут римлян, – тихо произнёс Юлиан Петроний.

– А ты почём знаешь? – удивились Вреж.

– Я видел в городе римских лазутчиков.

Услышав это, я невольно воскликнул:

– Лазутчиков?

– О, несчастный! И ты нам это говоришь только сейчас? – возмутился Вреж.

– Я не нанимался к тебе осведомителем, – огрызнулся на шута Юлиан, – я всего лишь военный стратег.

– Твоё безмолвие хуже любого предательства!

– Прекрати Шанпоч, – заступился за римлянина Меружан, – ему действительно не вменялось доноительство. А римские лазутчики, как тебе известно, есть повсюду, даже в Тигранакерте.

– Прекратите мышиную возню, – одёрнул спорящих царь, – в том, что город перейдёт в руки Рима, виновны все. Мы приложили минимум усилий, чтобы закрепиться в Антиохии. Нам она была не нужна.

– Как не нужна, повелитель? – возразил Вреж.

– Очень просто. Её жители распахнули перед нашей армией ворота, надеясь, что мы будем благосклонней их прежних повелителей. Мы же не только не оправдали надежды, но наоборот стали их выселять оттуда.

– Но ведь, владея Антиохией, мы владеем всей Киликией, а это выход к морю.

– Зачем нам море? У нас нет флота. Он и не нужен. Испокон веков армяне были сухопутными купцами, – сказал царь.

– Сегодня нет, завтра будет. Откуда у тебя такой недалёковидный подход, Мецн? – возмутился Меружан.

Царь ничего не ответил своему советнику. Он только равнодушно махнул рукой и более не вмешивался.

– Вывез всё золото Селевкидов и теперь безмятежно покидает обглоданный и ненужный город, – произнёс почти шёпотом раздосадованный Меружан.

– А скажи мне, Юлиан, правда ли, что легионерам не разрешается жениться? – спросил я римлянина.

– Закон Рима запрещает нам вступать в брак. Ты можешь сожительствовать с кем угодно, но узаконить отношения не имеешь права.

– Но почему? Какой смысл? Неужели неженатый воин лучше сражается? – изумился я.

– Вовсе нет! – вмешался в разговор Меружан, – законы Рима намного хитрее. Дело в том, что после гибели легионера государству придётся содержать его семью. Представь, какие это расходы! Я прав, Юлиан?

– Совершенно верно. Рим без конца ведёт затратные войны, и вовсе не намерен содержать армию вдов и сирот погибших легионеров.

– Я так понял, в Риме всё строго подчинено букве закона? – заключил я.

– Конечно, – подтвердил Меружан, – и это одна из основ его могущества.

Сперва мы шли по пустынной, неплодородной местности, потом стали появляться деревни с ухоженными садами и виноградниками. По мере продвижения на Восток территория становилась более населенной, а растительность – всё более свежей и пышной.

Поначалу царь в окружении немногочисленного отряда ехал на красивом белом коне, но жара уморила его, и он вынужден был пересест в носилки с шатром. Чтобы не скучать в одиночестве, он попеременно приглашал нас к себе.

Вскоре я увидел вдали отряд всадников, который шёл нам навстречу. Лучи заходящегося солнца, отражаясь от металлических лат, слепили нам глаза. Издали это выглядело очень внушительно. Я с беспокойством взглянул на Меружана.

– Не волнуйся, Соломон, это наша тяжёлая конница, – ответил тот, – Сейчас мы идём по исконной территории Армении, и нам нечего опасаться.

Через некоторое время конный отряд присоединился с нами. Это было знаменитое армянское *айрудзи*. Переводится просто – "человек и конь". В доспехах были не только всадники, но и лошади. Из вооружения у воинов были длинные мечи и копья, способные выбивать из седла вражеских конников и разить пехоту. Я заметил, что лошади под всадниками были особой породы – низенькие, но коренастые и крепкие. Как мне потом объяснили, низкорослый конь имеет ряд преимуществ. Во-первых, на него легко садиться; во-вторых, удобнее доставать противника мечом; ну, и не последнюю роль играла выносливость коренастых коней в долгих изнурительных походах.

– Айрудзи царя царей приветствует своего повелителя! – громко произнёс на армянском круглолицый бравый командир.

– Рад тебя видеть, зорапет Баграт! Вели конникам снять латы. Сейчас в этом нет никакой надобности, – приказал царь, понимая, как трудно в жару носить тяжёлые доспехи.

– Я не вижу среди вас Аждахака, – забеспокоился Баграт, – Где он? Неужто остался в Антиохии?

Все грустно отвели взгляд.

– Где это случилось? – воскликнул обо всём догадавшийся зорапет.

– Он погиб, защищая меня, – коротко ответил царь.

– От кого? – не унимался Баграт.

– От римлян.

– От римлян? Где вы их встретили?

Ответа не последовало. Грубоватый Баграт и так задал много вопросов, идущих вразрез с придворным этикетом. Похоже, он это понял и принялся расспрашивать о случившемся Меружана. Тот поведал обо всём.

– Странную историю ты мне рассказал! – произнёс в недоумении Баграт. – Как это случилось, что из всего отряда ты один остался в живых?

– Экий ты деревенщина! Говорят тебе – ударили меня сразу щитом по голове вот и свалился без чувств, а римляне подумали, что мёртв. Что тут непонятного?

Баграт продолжал с подозрением поглядывать на Меружана.

– Не могу поверить, что из всех этих отборных парней повезло именно тебе – кочану капустному, – зло произнёс он.

Я впервые услышал это прозвище Меружана и удивился, насколько оно подходило его лысой голове.

– Ну конечно! Ты спишь и видишь меня мёртвым.

После этих слов Баграт, вроде, унялся, но потом, увидев римлянина, спросил:

– Кто этот человек?

– Бывший центурион, который будет служить в нашей армии, – ответил Меружан.

– Римлянин в армянской армии! – возмутился полководец и резко добавил: – Не бывать этому! Только через мою голову!

– Ну, мы ещё посмотрим, у кого голова крепче! – зло парировал Меружан.

– Да уж, трудно тягаться с капустным кочаном, – съязвил Баграт.

Лицо у Меружана стало пунцовым от гнева. Он уже хотел что-то ответить, но царь отдернул:

– Эй, вы – два сварливых пса! Один лысый другой круглоголовый. Перестаньте тявкать. Прямо как дети малые. Только встретились и уже повздорили.

Вечерело, и конники начали обустройства лагерь.

Мы собрались на трапезу в царский шатёр. Баграт внимательно посмотрел на меня, затем на Гранию и сказал:

– А ты, Мецн, времени зря не терял? У тебя новый лекарь и очаровательная гетера.

– Смотри Баграт, этот гастропет спас нам жизнь, – произнёс царь, указывая на моё оружие.

Но Баграт уже ничего слышал. Он подошёл к Грании и принялся рассматривать её с ног до головы откровенным мужским взглядом.

– Она будто рождена пламенем! – произнёс зорает, восторгаясь огненными волосами, – такого чуда нет ни в одном из наших храмов!

– Нечего тебе облизываться, как волк на овцу, – вмешался догадливый Шанпоч, – не твоего конского ума это дело. Отойди от неё. А то ещё проглотишь, будто хлеб с сыром.

– А ты не суй свой собачий нос куда не следует, – начал обижаться Баграт.

– Ну, рассказывай, воин. Какие новости приходят из Понта? – решил отвлечь внимание от Грании сам царь.

– Удручающие, мой повелитель, – ответил военачальник, – царь Митридат терпит одно поражение за другим. Риму удалось отвоевать захваченные им города.

– Откуда тебе это известно?

– Помнишь тот отряд конницы, который мы послали к нему на помощь?

Царь утвердительно кивнул головой.

– Так вот, из них не вернулось более половины, а те, кому удалось избежать гибели, рассказывают страшные истории.

– А где сейчас мой тесть? – спросил задумчиво Тигран.

– Неизвестно. Говорят, сбежал в Иверию

– Ты поведал нам печальную весть, зорает. Хотя она не затрагивает непосредственно наши интересы, однако даёт повод для беспокойства. Рим всерьёз решил избавиться от своей давней головной боли. Митридат – этот непоседа, этот ненасытный властолюбец, который долгие годы считал, что именно он должен избавить мир от римской гегемонии – теперь терпит поражение за поражением и вынужден скрываться, словно провинившийся лис под деревенской изгородью. Всему виной его тщеславие и безумная жажда власти. Он был царём всего Понтийского побережья, обладал несметными сокровищами, перед ним трепетали его сатрапы и соседи. Всего этого ему показалось мало. Богатство и слава Рима – вот что не давало ему ни сна, ни покоя. Он решил, что настал его час. Именно он, не считаясь с потерями, должен покорить эту империю. Ему отведена в истории роль того спасителя, который избавит народы от многолетней тирании. Но, увы, он просчитался. Рим, военные силы которого были временно отвлечены на Западе, при первом же удобном случае нанёс ему сокрушительное поражение. А ведь с большой высоты больнее падать. Не так ли?

– Всё это чревато тем, что после расправы над Митридатом Рим пойдёт войной на нас, – заметил Меружан.

В шатре воцарилось напряжённое молчание, которое смог нарушить только сам царь.

– Пойти на нас войною? Никогда! – сказал он уверенно, – В Риме достаточно умных стратегов, которые понимают, что тягаться с нами – задача не из лёгких. У нас хорошо вооружённая армия, которая покорила множество царств, богатые города, глубокие тылы и нескончаемые людские ресурсы. Да и зачем им это? Для Рима мы – заслон от парфян. Если Парфия

пойдёт на них войною, они смогут привлечь Армению к союзу. Напади же Рим на нас, мы не откажемся от союза с Парфией и будем вместе противостоять агрессору. Вот таким я представляю соотношение сил на сегодняшний день. И этот паритет будет долго сохраняться, а значит, будет мир и покой на земле Армении.

– Неужели всего этого не понимал Митридат, когда решился в одиночку воевать с Римом? – спросил Баграт, поглаживая щетину бороды.

– Нет, конечно! – воскликнул царь в сердцах, – он же неистовый безумец, действующий напролом, без хитрецы и дипломатии. Когда он предложил мне соединиться для войны против Рима, я наотрез отказался. Какой смысл для страны, завоевавшей столько земель, что даже заселить уже нечем, ввязываться в столь сомнительную авантюру? Ради чего? Ради того, чтобы Митридат Понтийский вошёл в летопись как покоритель Рима?

Царь на минуту замолчал, а потом поднял свой серебряный кубок с вином и сказал:

– Ладно. Давайте выпьем. Пусть хранят Боги наш народ от безумия правителя, а правителя – от обезумевшего народа!

– Слава царю царей! – подхватил Баграт.

– Да здравствует василео-василевс, Тигран Великий! – повторил тоже самое на римский лад Меружан, и мы дружно подхватили его клич.

На следующий день мы уже в сопровождении армянского айрудзи продолжили путь и по прошествии пяти дней въехали в пределы Осроэнского царства. Тигран велел мне пересесть к нему в носилки, которые он уже не покидал в течение всего пути. Увы, гнёт прожитых лет давал о себе знать.

Мецн сразу повел разговор теологического толка.

– Ваша религия привлекает меня, и я хотел бы, чтобы наш народ, подобно иудеям, поклонялся одному божеству. Единобожниками легко управлять: их дух един, а это сплачивает народ, превращает в единый кулак. Но ваш Бог призрачен, а наш народ привык к зримым образам. Несколько лет назад, желая заселить города обширной страны, я переселил десятки тысяч иудеев в провинцию Ван. Они там неплохо устроились, но вот, что интересно, – иудейская вера там не прижилась. Коренные жители не приняли её. Наоборот, заставили переселенцев поверить в своих, местных Богов.

Царь умолк и после долгого раздумья спросил меня:

– Каким ты представляешь единого Бога?

– Для любого народа есть только один Бог – его царь, – ответил я хитро.

– Правильно! Но лишь до тех пор, пока он богат и силен. Стоит ему оступиться, потерять могущество, его сразу затопчут и сравняют с землёй не только враги, но собственные придворные. К тому же, век царей короток, а настоящий Бог должен быть бессмертен. Но самое главное, нужно, чтобы это был мученик. Да-да, именно мученик, чтобы его жалели. Ведь сначала пожалеешь, а потом и полюбишь. Знаешь, Соломон, Жалость и Любовь – родные сёстры. Одна постарше, а вторая моложе. Бог-мученик, Бог-страдалец – вот кого надо придумать для народа.

– Мой повелитель, Боги Олимпа тоже придуманы, а нам нужна живая душа, готовая придти на помощь всем страждущим.

– Получается очень похожий образ Спасителя-Мессии, – сказал с иронией царь.

– Ну почему спаситель? – возразил я, – это может быть, скажем, исцелитель. Ведь хороший лекарь для больного – почти как Бог.

– Ты прав, юноша! – воскликнул царь и добавил серьёзно, – и вот еще: спаситель он или исцелитель, я не знаю, но после того, как станет предметом всенародного восхищения, он должен непременно исчезнуть.

– Исчезнуть? – удивился я, – куда?

– Куда угодно. Хоть на небеса. Ибо живым Богом на земле может быть только сам царь – и второго не дано.

– У тебя интересные мысли о государстве и власти.

– Знай, юноша! Я пришёл во власть уже в зрелом возрасте. Будучи заложником у парфян, перечитал множество трудов, изучил опыт царей и полководцев и составил свою формулу власти.

– Интересно узнать, какова она? – спросил я.

– В двух словах это трудно передать. Свои рассуждения я записал на пергаменте, и в результате получился массивный трактат, который хранится в библиотеке Тигранакерта.

– Мне не терпится узнать сейчас, из первых уст, – продолжал настаивать я.

– Хорошо, – согласился Мецн, которому явно льстил мой повышенный интерес, – коль скоро мы заговорили на эту тему, я задам тебе один вопрос. Каким народом легче управлять – богатым или нищим?

– Конечно же, богатым, – не задумываясь, ответил я, – ведь если человек сыт и доволен жизнью, он склонен к доброте и повиновению той власти, при которой у него создалось сие благополучие.

Царь лукаво посмотрел на меня и сказал:

– Если следовать этой логике, ты, может, и прав, Соломон. Но всё намного сложнее. Чем богаче человек, тем он более жаден и властолюбив, ибо нет предела его благополучию. Раздай сейчас безземельным крестьянам равные наделы, дай им волов, плуг, семенное зерно – и что? Ты думаешь, они будут жить в мире и согласии? Отнюдь. Условия хотя и равные, но люди-то разные. Один будет трудиться лучше, другой окажется ленивым; у одного уродится больше хлеба, у другого поменьше, – и тогда поселиться меж них старуха-зависть и пойдёт сосед против соседа с косой. Так уж устроен человек, всегда для него своего мало, и он будет зариться на чужое добро. А что может быть страшней для страны, чем междоусобица? Эта хищница коварней внешнего врага. Она способна разорить любое процветание.

– По-твоему, получается, что управлять легче рабами, чем собственным народом? Ведь только рабы ничего не имеют.

– У рабов один Бог – страх перед кнутом и палкой, и это очень эффективное средство. Но рабы – не народ, они сродни животной силе.

– Так что же ты предлагаешь? Придумал ли ты золотую середину?

Царь долго не отвечал.

– Вычислить золотую середину формулы власти не смогут даже Боги Олимпа, – произнёс он с хитрецей.

– Но ты сказал, что нашёл её, – воскликнул я.

– Да, нашёл.

– Ну и как же она выглядит?

– Тебе не терпится узнать прямо сейчас? – спросил устало царь, – боишься не доехать до библиотеки Тигранакерта?

– Ты и так уже почти всё сказал, Мецн. Осталась самая малость, – продолжать выпытывать я царя.

– Хорошо. Попробую объяснить тебе в двух словах. Конечно, наилучшее средство подчинения человека – это страх. Людям отнюдь не чуждо это животное чувство, но есть ещё нечто, отличающее их от бессловесных существ – это разум. Чтобы полностью овладеть человеческими умами, нужна единая на всех идея или вера, – пойми, как хочешь. Верховная власть над людьми, подчиненными единой идее и страху перед неповиновением, – вот та формула, которую я придумал. Управлять таким обществом легко и можно добиться больших побед и успехов.

– Страх – понятно, а что это за идея, которая будет править умами людей?

– Вера в единого Бога! Как видишь, юноша, мы закончили тем же, чем и начали. Наш разговор завершился очень вовремя – мы уже въезжали за черту города.

Эдессу построили войска Александра Великого на высоком пологом берегу Скирта. В стратегическом аспекте лучшего места просто не придумаешь. Широкая полноводная река как естественная преграда, оборонительная стена из скал – всё это превращало Эдессу в неприступную крепость.

– Почему ты не сделал Эдессу своей столицей? – спросил я Мецна.

– Мне хотелось построить город по собственному замыслу – от начала до конца. Я заселил его достойными горожанами, предоставил мастерские умелым ремесленникам, построил просторные конюшни, заполнил улицы торговым людом, соорудил великолепный театр, ипподром, воздвиг храмы Богам. О, юноша, тебе ещё предстоит познакомиться со славным Тигранакертом. Такого города не существует во всей Азии. С ним может тягаться разве что Вавилон.

Последние слова царь произнёс трепетно, и я понял, с каким восторгом относится он к своему детищу.

– Мецн Тагвор! – начал я осторожно, – я всё хочу тебя спросить. Зачем ты, подвергаясь опасности, лично отправился в Иерусалим? Ведь мог же направить туда послов.

– Ты думаешь, если я стар, то во мне не осталось юношеского задора? – сказал он, улыбаясь, и добавил уже более серьёзно, – за свою жизнь я сделал многое для укрепления армянского царства. Никогда ещё её границы не простирались так далеко. Мне удалось создать то, чего не смогли сделать мои предки, и вряд ли кто-нибудь ещё повторит это.

Но одно дело завоевать территорию и совсем другое – удержать её. Причём надолго, на века – так, чтобы множество поколений смогли жить безбедно. Я приложил много сил, чтобы наладить добрые отношения с соседями и укрепить границы. Сейчас у Армении одна угроза – Рим, и чтобы её нейтрализовать, я готов на любые ухищрения. Никто из моих послов не смог бы склонить Иудею к союзу. Более того, мне удалось договориться о совместном захвате и дележе Египта – этой житницы, где трижды в году собирают урожай зерна, где всегда лето и нет хмурых дней, где время боится вечных пирамид.

У Иудеи давние счёты с Египтом. Жестокость, проявленная фараонами к иудейскому народу, подробно описана в вашем Писании, и тут наши интересы сходятся. Совместная военная авантюра была просто обречена на успех. Представляешь, как приветствовали бы нас иудеи в Александрии, какое содействие бы оказали нам в дальнейшем? Увы, наш поспешный отъезд из Иерусалима сорвал мои планы.

– Ты мог противостоять Риму в союзе со своим могущественным тестем – царём Понта Митридатом, – возразил я.

– О, Боги! Только не с ним! – воскликнул царь, – я всю жизнь избегал бескомпромиссных, идущих напролом властолюбцев, способных сломать хребет себе и своему народу. Его теперешнее положение наглядное – подтверждение моей правоты.

– А как насчёт Парфии? Меружан рассказал мне, что у нас очень сильный восточный сосед.

– Ты знаешь, Соломон, к парфянам у меня давняя неприязнь. Это долгая история. Когда-нибудь расскажу.

К этому времени мы уже вплотную приблизились к дворцу. Царь Осроэны Михран вместе с семьёй встречал нас во дворе. Тигран вышел из носилок и великодушно протянул сатрапу тыльную сторону правой кисти.

Тот упал на колени и с благоговением припал к руке царя царей. Вся семья последовала его примеру.

– Сегодня Боги сжалились и осчастливили нас твоим присутствием, о великий царь царей! – сказал подобострастно сатрап.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.